

"Кровник - Джихад по-русски"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лев Пучков

Кровник

Обществу, пославшему своих сыновей на смерть, посвящается

Пролог

Здравствуйте, уважаемый читатель. Чем занимаетесь, дорогой? Хотя это ваше личное дело, занимайтесь чем пожелаете. А я вот тут дурью маюсь – рыхлю кинжалом почву. Почва неподатливая – каменная крошка через каждый сантиметр, тут, в горах, она почти всюду такая – глина и каменная крошка, а сантиметров через сорок начнется скальный монолит, хрен без тола отковыряешь. В принципе шибко углубляться мне не надо – я уже вспахал участок диаметром сантиметров в тридцать, глубиной на треть кинжала, этого вполне достаточно.

Рядом со мной сидит здоровенный бородатый тип со связанными за спиной руками и внимательно наблюдает за моими телодвижениями. Во взоре его можно уловить удивление – пленник даже отдаленно не предполагает, для чего это я рыхлю почву. Возможно, он считает, что я повредился рассудком – обстоятельства тому вполне способствуют. Зовут типа Абдулла Бекаев, он командир отряда чеченских «непримиримых», то бишь «духов». Я завязал ему пасть широкой зеленой лентой, которая пять минут назад красовалась на его голове, – на всякий случай, вдруг пожелает заорать благим матом. Хотя, похоже, кричать он пока не собирается: в глазах Абдуллы я не вижу страха. В них, как я уже упоминал, можно прочитать лишь удивление и полное неприятие происходящего.

Три дня назад Бекаев с патетикой в голосе «загружал» английского журналиста: дескать, они, «непримиримые», то бишь железные воины Ислама, покуда не отомстят за пролитую неверными кровь своего народа, постытся, водку не пьют, с женщинами ни-ни и истово молятся Аллаху – как положено настоящим правоверным...

Когда он об этом вещал, вид у него был вполне соответствующий: волевое одухотворенное лицо, горящие глаза, солидная борода, да и здоров Абдулла – этакий раскормленный бугай. Вполне можно поверить, что такой тип не знает страха и в случае чего умрет во имя газавата, не моргнув и глазом.

Однако у меня имеется другая информация. Я, например, прекрасно знаю, что «духи» из отряда Абдуллы жрут водку чуть ли не ведрами, играют по ночам в карты, курят анашу и с остервенением трахают отловленных в рейдах славянок, которых посчастливилось доставить на базу. У самого командира имеется целый гарем – то ли пять, то ли шесть русских девчонок, к которым он никого не подпускает – держит их под охраной и развлекается с ними в любое время суток, как только в чреслах засвербит похоть. Кстати, одна представительница этого гарема сейчас присутствует здесь – вот она, лежит неподалеку, привалившись спиной к скале, в закрытом черном платье и темной косынке, с потухшими немигающими глазами на бескровном осунувшемся личике. За последний месяц она вынесла такое, что иному не приснится и в самом страшном сне. Эта женщина – Светлана, моя жена, самый дорогой мой человек...

Итак, Абдулла, у меня имеется информация, что ничто человеческое тебе не чуждо. Значит, страх перед лицом смерти – тоже. Сейчас мы это проверим.

Закончив рыхлить грунт, я откладываю кинжал в сторону, тяжело вздыхаю и сильно бью

Бекаева по диафрагме. Нехорошо это, неэтично – бить безоружного связанного врага. Но надо. Мне надо. Абдулла скрючивается и хрипит. Я угощаю его раскрытой ладонью в затылок, отчего он падает рожей в разрыхленный грунт, срываю зеленую ленту и давлю коленом на голову. И внятно задаю вопросы. В принципе мне нужно самую малость: три кода и формуляр. Код замка на железной двери, что ведет из покоев командира в шахту, по которой можно выйти за пределы базы в лес по ту сторону скал. Самое главное: если я буду знать код, то смогу выбраться отсюда, прихватив Светлану. А там – пусть ищут, им понадобится часа три, чтобы обойти скалы, или несколько комплектов альпинистского снаряжения, которое уместно будет лишь при наличии хорошо подготовленных специалистов – дилетантам сюда соваться не стоит. Затем – код замка сейфа, в котором командир держит баксы, предназначенные для оплаты труда наемников. Баксов, по моим предположениям, должно быть немало – судя по суммам, которые получают эти ребята.

Следующее: код пульта дистанционного управления, который приводит в действие систему взрывных устройств. Вот он, лежит на лавке. Без кода этот пульт не более чем пластиковая коробочка, напичканная микросхемами. Если верно набрать код, на панели пульта загорятся нули. Затем нужно выставить время и нажать красную кнопку – после этого на пульте начнет пульсировать маленькая красная лампочка, а установленное время будет убывать до тех пор, пока на табло вновь не высветятся нули. Когда это произойдет, база взлетит на воздух: Абдулла три дня назад водил нас с Тэдом на экскурсию, показывал сплошную систему мощных фугасов – этакий самоликвидатор на крайний случай, сделанный умелыми руками иранских спецов минного дела. Время можно не выставлять – набрал код и сразу нажал на красную кнопку, как только на табло высветятся нули. Тогда база тотчас же взлетит на воздух. Но я что-то не похож на камикадзе – не за этим сюда приперся.

Кто-то может возмутиться – как же так?! А пленные, женщины? Пленных на базе в данный момент нет. Это страшный секрет, и командование группировки об этом не знает. Вчера утром, на зорьке, «духи» перед видеокамерой расстреляли последних четверых – лейтенанта-первогодка и троих солдат. В принципе их берегли для обмена, но в ближайшее время он не намечался – не до того было. Кассету передаст на ближайший блокпост какой-нибудь чеченский пацан – на ней записаны обращение Бекаева к нашему командованию и непосредственно сцена расстрела. Это вам ответ на последнюю бомбардировку близрасположенной базы, на которой командиром является друган Абдуллы. Это также предупреждение – будете бомбить, расстреляем еще. Сколько надо, столько и расстреляем – ваших, мол, у нас навалом. Ведь мирные переговоры начались – давайте, закругляйтесь с бомбежкой, пожалейте своих пацанов. Там еще есть пара фраз, предназначенных солдатским матерям, – повлияйте на бессердечных командиров, ваши пацаны должны жить. Что и говорить, Абдулла прекрасный оратор, кого хочешь растревожит и разжалобит.

Очень жаль, что наше командование не знает о том, что Бекаев нагло врет. В обычное время на территории маленького концлагеря, расположенного посреди базы, находятся чуть более двух десятков славян. Чистый и уютный барак, с жалюзи на окнах, заправленными по-солдатски кроватями и цветным телевизором, работающим от дизеля. Возможно, вы видели этот концлагерь в какой-нибудь телепрограмме – «духи» охотно привечают корреспондентов. В бараке действительно проживают славяне. Сейчас их, по моим наблюдениям, там меньше десятка – остальные ушли в рейд. Это наемники – хохлы, прибалты, есть даже россияне: трое из Курска, а один из Вологды. Они разгуливают по территории концлагеря, вводя в заблуждение нашу разведку. Даже если кто-то и сумеет рассмотреть через суперобъектив, что творится на базе, то он увидит славян за колючей проволокой и сделает соответствующие выводы.

Настоящие пленные сидели в зиндане – здоровенной яме, прикрытой сверху сваренной накрест

арматурой. Теперь здесь никого нет – трупы последних четверых вчера сбросили в пропасть...

Женщин тоже на базе нет, если, конечно, не брать в расчет гарем Абдуллы. Они вообще тут долго не задерживаются потому, что мрут как мухи.

Обычно «духи» из очередного рейда приносят одну-двух славянок, реже – трех. С большим количеством таскаться обременительно. Если доставленная женщина командиру не нравится, он отдает ее в отряд, где с нею развлекаются до тех пор, пока не задолбают насмерть. Редко кто выдерживает более трех-четырёх дней.

Рейдов на солидное удаление не было уже более недели, а из последнего возвратиться еще не успели, поэтому мне нужно позаботиться только о пленницах Абдуллы.

Я загоняю женщин в продуктовое хранилище под покоем командира – каменный мешок, там они не пострадают. Правда, им наверняка здорово достанется, если моя авантюра удастся – после взрыва базы сюда через часок припрутся «чехи» [1] из соседних сел – посмотреть, что тут произошло. Мне их искренне жаль, но я не товарищ Сухов, чтобы с гаремом Абдуллы таскаться по заминированному лесу, – там и одному пробраться весьма проблематично... Да, заминированный лес. Последнее, что мне требуется, – формуляр минных полей. Лес за скалами, что окаймляют лагерь полукругом, сплошь усеян взрывными заграждениями, которые заботливо устанавливали в течение полутора лет умелые руки чеченских бойцов. Так что без формуляра там шляться будет весьма небезопасно...

вернуться

1

Чеченцы (разг.).

Вот и все, что мне от тебя требуется, Абдулла Бекаев, командир «непримиримых»... Ага, ты уже конвульсивно дергаешься – на секунду я ослабляю нажим коленом. Ах ты мой хороший, хватаешь воздух, как рыба, выброшенная на сушу, глаза выпучил, мычишь чего-то. Ведь я тебя по-хорошему спрашивал пять минут назад: три кода и формуляр. А ты глубокомысленно ухмыльнулся и сообщил, что очень скоро я умру, как собака... Подышал? Молодец, умничка. Дубль два – коленом по затылку, рожей в разрыхленный грунт. Мне теперь торопиться некуда. Итак: три кода и формуляр. Думай, Абдулла, думай...

Глава 1

...Знакомо ли вам ощущение внезапно свалившегося на голову праздника? Нет, не банкета какого-нибудь или светского раута с презентацией, не народного гулянья на лоне природы, а самого настоящего праздника, когда радость переполняет душу и хочет вылиться наружу, а впереди маячит счастливая пора заслуженной бездеятельной неги, наполненной кучей разнообразных сюрпризов исключительно приятного свойства? Если нет, тогда я вам сочувствую. Праздник надо выстрадать, чтобы ощутить его по-настоящему, всеми фибрами души, нырнуть в него с разбегу, как в холодную воду в жаркий полдень, а не заходить постепенно, с кичливой миной на холемом лице...

За последние полтора года я пробыл на чеченской войне в общей сложности 498 суток. Что поделаешь, работа такая. Зовут меня Антон Иванов, я офицер внутренних войск, командир группы специального назначения. С января 1995-го нас видели дома нечасто: мы приезжали

на недельку-другую, дикие и страшные, отсыпались-отмывались, трескали домашнюю пищу, от которой успели отвыкнуть, и иступленно тискали своих боевых подруг, которые уже начали забывать, что такое мужская ласка (так, по крайней мере, нам казалось). А затем – вперед, сыны Отечества! Дубль два по новой и так далее...

И вот, сижу это я себе в кустах под Хамашками, созерцаю через бинокль панораму четырежды взятого поселка и пытаюсь обнаружить признаки какой-нибудь левой активности. Неделю назад инженер сводного полка раскопал радиоуправляемый фугас на маршруте движения колонн. Судя по объему работ, требовавшихся на установку этой пакости, здесь трудилась хорошо подготовленная группа голов этак в пять-шесть. Получается, что снова «духи» зашевелились в многострадальном поселке – значит, нам работенка обломилась, пасти надо. Ну вот, сижу я себе, созерцая панораму поселка, а тут по рации выходит командир отряда и этак сплеча, открытым текстом: «Сыч, все бросай, прыгай на первую попавшуюся „ленточку“ и дуй на ВПУ [2] – с завтрашнего дня ты в отпуске по графику...» Сыч – это моя боевая кличка, я днем хожу сонный, подслеповато шурюсь и беспрестанно зеваю, вызывая подчас раздражение начальства. Зато ночью вижу как кошка и спать совсем не желаю. Я – ночной зверь, порождение тьмы и опасности. Отсюда и кличка – в нашей среде их дают довольно метко и адекватно сущности индивидуума...

Что такое отпуск для типа, пробывшего на войне почти полтора года и полностью к ней адаптировавшегося, притертого, так сказать? Тем, кто там не был, это понять совсем непросто. Даже не верится, что проведу два месяца на Большой земле, без стрельбы, взрывов, привычной тяжести экипировки и необходимости ежесекундно до боли в глазах вглядываться в детали окружающего ландшафта из-за возможного появления в любую секунду снайперского прицела. Постояю на траве без растяжек, увижу дома, не обугленные пламенем войны, прошмыгну без оглядки, куда мне вздумается, не ступая след в след и не держа в уме азимуты. Да, что там говорить – это неизмеримо много, описать все не хватит слов и эмоций! Это просто подарок судьбы. Вот оно, счастье мое, – длинноногое, белобрысое и озорное, дремлет рядышком, положив голову мне на плечо, и тихонечко посапывает во сне. И в любой момент я могу крепко обнять это чудо, прижать к себе, вдохнуть пьянящий запах шелковых волос и поцеловать в щечку. Пока в щечку: подожди, доберемся до санатория, я покажу тебе, где раки зимуют! Я тебе устрою девять с половиной недель нескучной жизни. Ухххх! Держись...

Мне выделили две путевки в кисловодский санаторий «Россия». Светлана, оказывается, знала о моем внезапном отпуске – доброжелатели постарались. Поэтому свалиться, подобно черту из преисподней, не получилось: дома меня ждали накрытый стол с шампанским, благоухающая супруга, наряженная в парадное платье, и две путевки в санаторий – отдел по работе с личным составом свое дело знал туго.

Я появился в прихожей нашей малосемейки часов в восемь утра, диковато обошел все углы, принюхиваясь, как кот, и моментально скинул потрясый прикид своей второй половины, завалив ее прямо на пол в гостиной и произведя с рычанием скоротечный половой акт, длившийся 21 секунду. Сами понимаете, длительное воздержание не способствует...

Затем я поклялся повторить эту полезную во всех аспектах процедуру более обстоятельно, но чуть позже. И стал преступником: часок я отмокал в нашей сидячей ванной, затем что-то вяло жевал, выпил шампанского, разомлел и еле добрался до кровати. А спустя пару часов жена растолкала меня, тыча под нос будильник и настоятельно высказываясь о необходимости немедля отправиться в путь, поскольку автобус на Минводы убывает через сорок минут и вот-вот прибудет заказанное по телефону такси.

Спросонок я начал шарить вокруг себя и страшно удивился, не обнаружив оружия. Затем мне почудилось, что я попал в плен и оружие у меня отняли, – я даже взвыл от досады, но вовремя проснулся, пришел в себя и, обнаружив поблизости склонившуюся фигурку с заманчиво выглядывающими из декольте полушариями, попытался заполучить эти полушария к себе в постель, со всеми вытекающими последствиями – но, увы, промазал. Хитрая супружница ловко выскользнула из захвата и удалилась на безопасное расстояние, загадочно хихикая и подзадоривая: до Минвод, мол, ехать восемь часов, можно и потерпеть, ага... Что было возразить? Вот ежели бы сразу, одним махом – раз! Однако ничего не поделаешь – сказывается длительное отсутствие практики...

Итак, мы со Светланой сидели в комфортабельном салоне рейсового автобуса, который с приличной скоростью катил в Минводы, имея на борту 42 пассажира. Мое чудо дремало, положив голову мне на плечо, а я рассеянно щурился в окно, созерцая мелькавшие пейзажи мирной жизни. Спать мне не хотелось – даром что Сыч, все вокруг было как-то непривычно и ново, это будоражило и обещало счастливое состояние покоя, веселого времяпровождения. Грудь распирало дурацкое ощущение неплановой радости, хотелось вскочить и заорать: «Ребята!!! Это же я!!! Я – герой войны, орденосец, бляха-муха! Вот он я – живой и невредимый, прошедший огонь и воду, наш совдеповский Рембо! Да нет, что там – круче, сто раз круче! Их Рембо, побывав столь длительный период на этой дурацкой войне, обязательно бы свихнулся или окочурился. Я же живой, не скурвился – так восхищайтесь, рукоплещите! Качайте на руках, пойте речевку, дарите цветы... Нет, цветов не надо. Я еще не скоро забуду тюльпаны под Старым Мачкочем, на которых осталась кровь моего сержанта Лешки Андропова...»

Вокруг были равнодушные, постные лица. Кто-то дремал, кто-то читал газету, иные поспешно отводили глаза, встречаясь с моим ошалелым взором. Мммм-да... Что ж, хрен с вами, ребята. Все правильно – никто меня туда силком не тащил, мог бы и отказаться. В худшем случае выгнали бы из войск, под суд за отказ от службы в Чечне, по-моему, еще никого не отдали...

Через некоторое время автобус остановился на несколько минут возле какой-то небольшой деревеньки, и мы с женой прогулялись по придорожному базарчику, кишевшему беззубыми бабками, которые торговали чем угодно по ценам значительно выше рыночных. Несмотря на протесты Светланы, я приобрел у одной бабули пироги с картошкой и прихватил по соседству три бутылки пива волжского разлива. Когда автобус тронулся, пирожки были мною незамедлительно съедены в знак протеста против недовольных высказываний супруги по поводу низкого качества пищевых продуктов, приготовленных старыми марзаматичками из неизвестно чего специально для таких вот случайных дорожных обжор типа меня. Что ж – Светлана у меня медик, негодование ее вполне объяснимо. Правда, она пять лет работает не по профилю: переводит с английского рецепты, рекомендации, разработки медицинского характера и так далее. Светлана в более-менее спокойный период нашей совместной жизни пыталась как-то склонить меня к оказанию ей помощи на этом поприще – я довольно сносно владею английским, поскольку обучался в школе с соответствующим уклоном. Однако попытки эти обернулись неудачей – я чрезвычайно ленив во всем, что не касается моей профессиональной деятельности.

вернуться

2

ВПУ – временный пункт управления.

Проснулся я оттого, что автобус остановился. Небо за окном потемнело – солнце краешком коснулось горизонта, и алая полоса заката била в глаза пугающим пожарным заревом. Во рту было сухо, я облизнул запекшиеся губы, потянулся было за последней бутылкой пива, покоившейся в сетке сиденья напротив, и замер.

Рядом с водилой стояли трое вооруженных чеченцев. Мне стало нехорошо – крепко зажмурил глаза, я помотал головой. Не сон ли это? «Духи» были экипированы как положено – на каждом разгрузка со всеми прибабасами, за спинами – «мухи», в руках автоматы с ПББС [3], на головах шелковые черные косынки.

Я еще раз зажмурился и ущипнул себя за бедро. Видение не проходило. Господи! Откуда же вы здесь, орлы?! На российской территории, за сотни верст от Чечни?

– Всем оставаться на местах! – с типично чеченским прононсом распорядился один из троицы – здоровенный бородатый мужик с горбатым носом. Помимо косынки, его лоб украшала зеленая лента с арабской вязью. – Кто дернется, расстреляю как собаку. – И скомандовал водиле, мотнув стволом в его сторону: – Давай поворачивай руль направо.

Водитель не дурак, перечить не стал – автобус тронулся с места и свернул на грунтовку, убегающую от шоссе в лесополосу. Пассажиры безропотно молчали, не делая попыток протестовать. Какой-то шепоток было возник на задних рядах, но лентоносец зыркнул туда ястребиным взором, и в салоне воцарилась зловещая тишина.

Что ж, к чеченскому диктату у нас привыкли – они до войны давили русаков, где могли, своим превосходством; угнетали, обирали, издевались – это у нас в порядке вещей. Так что сейчас, в самый разгар чеченской бойни, неожиданное появление «духов» на российской территории никого в состоянии шока не повергло – в истерику никто не впал и героических бросков грудью на автомат не совершал.

Автобус неторопливо передвигался по грунтовке, петлявшей меж посадок, и вскоре шоссе скрылось за кронами деревьев. Придя в себя, я аккуратно выдернул из рук онемевшей Светланы ридикюль, достал маникюрные ножницы и слегка надрезал обивку сиденья. Затем я извлек из кармана куртки наши документы, путевки и засунул их под обивку, постаравшись продвинуть как можно дальше, чтобы не прощупывались при поверхностном осмотре. Избавившись от документов, я немного расслабился и даже рискнул высунуться в проход, чтобы повнимательнее рассмотреть захватчиков. Если они помимо тривиального грабежа начнут выяснять, кто есть кто, и найдут наши документы – я в этом автобусе буду первым кандидатом в покойники. Открыв обручальным кольцом бутылку пива, я приготовился пролить содержимое на сиденье: если чехол будет залит, «чехи» почти наверняка не станут его детально рассматривать. Они в этих вопросах крайне щепетильны, чистоплюи хреновы...

Через некоторое время автобус остановился. Выглянув в окно, я обнаружил, что в расположенной неподалеку рощице стоят два тентованных «Урала», возле которых расхаживают десятка полтора вооруженных «духов».

«П...дец, приехали», – зафиксировало сознание праздную мысль.

– Приехали! – подтвердил здоровенный лентоносец и коротко приказал: – Всем выйти на улицу! Вещи оставить в салоне. Кто не выйдет, пристрелю как собаку!

Пассажиры покидать салон не торопились. Люди передвигались нехотя, несмотря на понукания нервно покрикивающих боевиков, стоящих у двери. Я незаметно вылил пиво на сиденье и теперь стоял враскорячку, ожидая, когда можно будет вылезти в проход.

Поскучав с полминуты, боевик-лентоносец скорчил страшную рожу и гнусаво пообещал:

- Я, бля, вижу, вы ни черта не торопитесь, идиоты! Считаю до двадцати - кто не успеет выйти, расстреляю как собаку! - И для пущей убедительности два раза выстрелил из автомата вверх, продырявив крышу «Икаруса». - Раз, два, три... - На счете «18» салон опустел - пассажиры резво высыпали на улицу и сгрудились у автобуса.

- Внимание сюда! - громогласно объявил здоровенный «дух». По всей видимости, он командовал акцией - его слушались. - Мы, солдаты свободной Ичкерии, производим изъятие ценностей для организации борьбы с российскими оккупантами! После этого будете свободны. Мы не желаем вам зла, но жестокая необходимость поставила нас в такие невыносимые условия, что мы вынуждены пойти на экспроприацию! Поэтому прошу понимать правильно: при сопротивлении - расстрел на месте...

А в это время боевики уже разделились на три группы: первая расставляла пассажиров лицом к автобусу, руками на борт, и сноровисто производила обыск, вторая забралась в салон и принялась ковыряться в оставленных там личных вещах, а третья распаковала багажное отделение и по-хозяйски копалась в сумках и чемоданах, откладывая в сторону то, что, по бандитскому мнению, могло послужить на благо борьбы с российскими оккупантами.

Дивясь организованности захватчиков и красноречию их командира, я обратил внимание на то, что настала и наша очередь: добравшись до стоявшей рядом со мной Светланы, молодой сухощавый «чех» с зеленой косынкой на голове очень резво (этакий живчик) начал обыскивать мою жену, моментально забрался к ней под юбку и задержал там руку, плотоядно озарившись жадным взором.

Горячая волна ненависти ударила мне в голову: с трудом сдержавшись и подавив естественное желание зарядить живчику в репу, я ухватил его за руки, подтащил к себе и, фиксируя захват, громко произнес, выговаривая каждое слово:

- Эй, вайнах! У тебя знамя пророка на голове! И ты во время газавата лапаешь женщину?! Аллах тебя за это не похвалит!

Живчик сноровисто освободился от захвата и отскочил назад, быстро переведя автомат из-за спины на меня. Впившись взглядом в палец на спусковом крючке, я присел и напрягся, готовый молниеносно метнуться в сторону от плоскости стрельбы и оттолкнуть Светлану. Хотя в принципе я прекрасно понимал, что долго метаться не придется - ичкерийские волки порвут на куски.

Рядом с живчиком неожиданно возник лентоносец - командир боевиков. Ударив по плечу изготовившегося к стрельбе соратника, командир слегка оттолкнул его в сторону и пробормотал по-чеченски:

- Тебе что, не терпится? Подождать не можешь, а? Делом займись!

Живчик злобно зыркнул на командира, но смолчал, а я сделал вид, что ничего не понял - ребята могут заинтересоваться, откуда это такой шустрый пацан, почти лысый и сильно загорелый, да еще понимающий чеченский язык.

- Та-а-ак! - Командир «духов» приблизился и некоторое время внимательно рассматривал меня, раскачиваясь с пятки на носок и поглаживая кинжал на правом бедре. «Ну вот, началось, - с тоской зафиксировало сознание, а тело начало медленно разворачиваться вправо, чтобы поудобнее долбануть левой ногой на уровне диафрагмы, - таким ударом я ломаю

сосновую плашку толщиной в 10 см. – Куда ты, тело! – Я вернул ноги на исходное положение и с сожалением констатировал, что еще не выпал из режима „война“, не успел перестроиться в стадию нормального мирного регулирования. – И, наверное, уже не успею», – огорченно констатировало сознание.

– А ты почему такой ловкий, э? – поинтересовался наконец командир «духов», просканировав взглядом мою персону. – Ты почему такой загорелый и стриженный? Э? Ты офицер, да?

На что я тут же, не моргнув глазом, соврал:

– Да какой, в задницу, офицер! Пастух я, бляха, – коров пасу в Ипатово. Тифом токмо что переболел – вот оттого и лысый.

– А откуда ты про газават знаешь? – подозрительно прищурился командир боевиков. – Про знамя пророка, э? Ты для пастуха что-то больно шустрый...

– Дык, телевизер смотрю постоянно, у мене с собой портативный. Насмотрелся про вас – все передачи только и говорят про Чечню... – робко стал оправдываться я и шмыгнул жалостно носом. – А потом, опять же газеты, там, журналы...

– Ну-ка, покажи документы, – прервал меня лентоносец, и я с тревогой отметил, что он переключил внимание на мою супругу, вцепился масляным взглядом в Светкины коленки, так неосмотрительно выставленные на всеобщее обозрение из-за задиранья юбки в процессе обыска.

вернуться

3

ПББС – прибор для беспламенной, бесшумной стрельбы.

– Юбку одерни, дура! – злобно прошипел я, скривив рот набок. – Заправься, я сказал! – И объяснил здоровенному: – А нету у мене документов. На че их мене с собой таскать? Вона, жена у мене пилепсией страдает. Дык, везу в Минводы к знахарю, тама травник есть – Ерофеев. Слыхал поди, а?

– Нету документов, говоришь? – переспросил боевик и недоверчиво мазанул взглядом по карманам моей куртки.

– Ага, нету, – подтвердил я и этак простецки предложил: – Да ты позвони в Ипатово, спреси Антона-пастуха – тама миня каждая собака знает!

– Эпилепсия, говоришь, – пробормотал «чех». – Ниче себе эпилепсия! – и опять уставился на Светку, как кот на банку со сметаной. Я внутренне взвыл от отчаяния и от всей души пожалел, что автобус выдерживает расписание. Вот надо же, а! Ведь задержишь мы на полчаса – и были бы сейчас полноценные сумерки, при которых не то что коленки – хрен очертания фигуры различишь!

– Эпилепсия! – хмыкнул лентоносец и отошел, буркнув что-то живчику, – я не расслышал. Живчик закивал головой, потер ладони и двинулся обыскивать других пассажиров, проигнорировав мою персону.

Дурное предчувствие кольнуло мою легкоранимую душу, и обожгло изнутри ощущение надвигающейся беды.

- Света, - прошептал я, обращаясь к жене, - ты волосы поаккуратнее заколи, ну чтобы не рассыпались. И приволакивай ногу, когда передвигаться будешь, головкой трясись, как будто эпилептичка. Ясно?

- Ага, - покорно ответила жена. - Постараюсь, - и вцепилась в мою руку. - Ты только не уходи никуда, ладно? Не бросай меня с этими...

- Господи, да куда я пойду? - Я раздраженно потискал ее вспотевшую ладошку и тяжело вздохнул: моя капризная супруга - страшная трусиха и паникерша. Она моментально впадает в прострацию и перестает рационально соображать, стоит какой-нибудь бабке в очереди за хлебом крикнуть на нее, а уж тут...

Процесс экспроприации длился минут двадцать - пока бандиты проводили ревизию вещей и обыскивали пассажиров, сумерки окончательно загустели, и очертания предметов стали недостаточно хорошо различимы. Я слегка приободрился - авось в суматохе и спешке как-нибудь пронесет.

Закончив свои дела, «духи» начали загонять пассажиров в автобус - я обхватил Светлану за талию и крепко прижал к себе, еще раз напомнив:

- Приволакивай ножку, приволакивай! - хотя видел, что она совершенно ничего не соображает и вот-вот грохнется в обморок.

Какой-то пацан метрах в двух от нас внезапно откуда-то извлек не удостоившийся экспроприации «Полароид» и, направив его в сторону основной группы боевиков, грузивших экспроприированные вещи в «Уралы», полыхнул вспышкой. «Идиот! - подумал я. - Прибьют ненароком!» Находившийся неподалеку боевик, подталкивающий пассажиров, отреагировал мгновенно: растолкав толпу, он залепил пацану смачную оплеуху, вырвал у него «Полароид» и с размаху хлобыстнул его о борт автобуса.

- Шпион, бля! - возмущенно высказался боевик. - Я тебе пофотографирую, сучонок! - И тут же залепил еще одну оплеуху - какому-то пожилому дядьке, который возмущенно вскинулся: дескать, нельзя детей обижать! - Я вас, уроды, всех бы поубивал! - заявил «дух» и скрежетнул зубами. - Ухххх, скоты, бля...

Когда две трети пассажиров уже погрузились в автобус, к оставшимся вдруг подскочили несколько «чехов» и, выдернув из толпы двух девчонок лет 17 - 18, сноровисто потащили их к «Уралам». По толпе пробежал возмущенный ропот. Какой-то дородный мужик выскочил из общей массы и бросился вслед за девчонками, ругаясь и размахивая руками, но тут же получил прикладом в лоб и рухнул пластом на землю.

- Не дергаться! - заорал командир боевиков. - Мы установим их личности и высадим в ближайшей деревне!

Я болезненно напрягся и вспотел - знаем мы ваши проверки, скоты! Вот уроды-то, ну уроды... Если рассуждать отвлеченно, девчонки сами спровоцировали «духов» - я еще при посадке в пункте отправления обратил внимание на эту парочку: они сидели вместе и лукаво постреливали глазенками на всех подряд мужиков, перешихивались-перешептывались, этакий воплощенный секс в шортиках и блузках без лифчиков. Это если рассуждать отвлеченно...

- Довыдывались, идиотки, - прошептал я и еще крепче прижал к себе Светлану, немного прибавив в движении, чтобы в плотном потоке побыстрее проскочить в дверь автобуса. До спасительной двери осталось двое пассажиров. Один. Вот Светка ставит ногу на подножку, и я чувствую, что сердце мое от напряжения сейчас разорвется на куски. Командир боевиков, стоящий возле самой двери, отводит взгляд - в полумраке он нас не рассмотрел. Кроме того, именно в этот момент к нему подошел один из «духов» и по-чеченски спросил:

- Зачем мы их загоняем? Только время тратим! Давай, уматывать надо! Они все равно выйдут, когда мы уедем.

- Не выйдут, - командир покровительственно похлопал вопрошающего по плечу. - Я на дверь присобачу одну штуку и скажу, что если кто-то покинет автобус, это устройство отреагирует на уменьшение веса и автобус взлетит ко всем чертям! Они будут тут сидеть, пока кто-нибудь на них не наткнется.

- А что, у тебя есть такая штука? - удивленно спросил боевик. - Я что-то не видел раньше...

- Ха! - командир развеселился. - Слушай больше! Этой штуки у меня нет - я приклею на жвачку свой портсигар. Вот так. Но они-то об этом не знают!

- Ай, молодец! - восхитился боевик.

В этот момент я протолкнул Светку в салон и, ухватившись за поручень, надавил, чтобы забраться самому. «Пронесло! - метнулось в сознании. - Ну, еще чуток!» И вдруг там, впереди, что-то произошло - послышались возмущенные возгласы, плотное скопление тел колыхнулось назад. Прямо перед Светкой откуда ни возьмись возник здоровый дед, который ломился к выходу и причитал:

- До ветру мне, братцы! До ветру, а то все!

Светка слабо пискнула и тут же была водворена мощным толчком деда на нижнюю ступеньку автобуса - я вывалился наружу и злобно прошипел:

- Дед, назад!!! Назад, скотина! Ссука! Я тебя задушу! Назад!

- Ой, командир, - заблажил дед, обращаясь к лентоносцу. - Ой, выпусти до ветру, а то щас обделаюсь. Не дай опозориться старому...

- Что там у вас? - Боевик недовольно крикнул, включил мощный фонарь и полоснул лучом по дверному проему. - Ты куда, дед?

- До ветру! - заорал дед что есть дури. - Щас наделаю в штаны!

- Ладно, вылезай, - разрешил командир и оскалился: - Мы гуманные!

Дед опять рванулся, и, несмотря на то что я изо всех сил держался за поручень в автобусе, стараясь вдавить свою жену внутрь салона, мы все трое спустя краткий миг оказались на улице: я, Светлана и дед, который шустро рванул куда-то влево от автобуса.

Подхватив Светлану за локоть, я попытался запихнуть ее в дверь, и в этот момент лентоносец направил луч фонаря ей в лицо.

- О! «Эпилепсия»! - обрадованно воскликнул он и ухватил Светланку за руку. - Иди сюда,

«эпилепсия», мы тебя лечить будем!

Рванувшись влево, я рубанул кулаком, целясь в голову «духа», но немного оплошал – ослепил луч фонаря, метнувшийся мне в лицо, – бандит отпрянул назад, и кулак мой глухо толкнулся о его разгрузку, зацепив там что-то твердое. В этот миг что-то тяжелое обрушилось мне на затылок, и мир вокруг свернулся в клубочек, который, в свою очередь, уменьшился до размеров точки...

Очнувшись, я обнаружил, что сижу на ступеньках «Икаруса» и чьи-то руки заботливо прикладывают к моей голове мокрую тряпку. Оттолкнув эти руки, я поднял голову – в салоне тускло горела единственная лампочка, над водительским местом. Голова гудела, как трансформатор. Ощупав затылок, я наткнулся на здоровенный желвак у основания черепа.

В салоне кто-то всхлипывал, кто-то причитал, кого-то успокаивали.

– Очухался, сынок? – раздался голос сзади. – Крепко тебя угостили! – Я обернулся и с трудом различил бабку-спекулянтку. Она располагалась в автобусе сзади, вся в баулах и мешках. – Я примочку тебе делала – шишак здоровущий получился, – сообщила бабка и скорбно вздохнула. – А девчонку твою увезли, супостаты...

Меня словно током ударило. Светка!!! Господи, они же забрали мою жену! Взвывая от бессильной ярости, я ломанулся наружу. Тотчас же вопль ужаса потряс салон:

– Взорвется!!! Щас взорвется!!! – разноголосым хором заорали те, что заметили мой порыв.

– Э-э, не балуй! – Водила грозно приподнялся на своем месте, его напарник, привстав со служебного сиденья, обнял меня за плечи и тихо пояснил: – Ну, успокойся, браток, че уж теперь? Там они микрочип повесили – если масса изменится, все взлетит в небеса...

Вырвавшись из объятий второго водителя, я несколько раз лупанул кулаком по панели управления – дверь всхлипнула и отъехала. Я вывалился наружу под аккомпанемент отчаянных криков. Обнаружив на двери приклеенный жвачкой пластмассовый портсигар, я бросил его в салон и сообщил:

– Вот он, ваш микрочип. Кому вы верите? – и, отбежав от автобуса, начал всматриваться в темноту. Вскоре из салона повыбирались люди – шоферня, недоуменно переговариваясь, включила снаружи переноску и принялась ковыряться в моторе.

Сознание мое лихорадочно перебирало наиболее приемлемые варианты действий – надо же было что-то предпринимать! Из всех сил напрягая извилины, я вскоре понял, что ничего хорошего придумать не могу, и заскрежетал зубами. «Господи!!! За что?» Я развернулся к автобусу и заорал на водителей:

– Какого хрена копаетесь?! Ремонтируйте живее! Ехать же надо, сообщить! Они же, бля, с каждой минутой все дальше и дальше!

– Куда там ехать, – угрюмо пробормотал один из водил, – они двигун расстреляли. Ты посмотри, весь блок разворотило...

Упав на траву, я некоторое время стонал и бил кулаками оземь, затем вдруг представил себе: трясущиеся по колдобинам «Уралы», в кузовах которых бандиты терзают мою жену... Мне такого не могло присниться даже в самом страшном сне, небыль это, кошмар... Совершенно

ничего нельзя сделать, даже если мне удастся добраться до трассы и остановить попутку. Пока я доеду до первого поста ГАИ, сообщу о случившемся, пока они там мне поверят, пока поднимут на ноги силы и средства, достаточные для надежного блокирования района и перехвата, - «духи» будут уже далеко. Я сел на колени и заплакал навзрыд. Если бы мои бойцы увидели меня сейчас, они бы не поверили глазам своим: никто никогда и нигде не видел, чтобы железный Сыч плакал, - не было на свете сил, чтобы вынудить его на это немужское дело...

Мимо меня прошел пацан - тот самый, который рискнул запечатлеть боевиков на «Полароид». Он приблизился к ковыряющимся в моторе водителям и протянул что-то под луч переноски.

- Гляди, дядя, снимок получился! - обрадованно воскликнул пацан. - Вот они, враги. Нормально вышли. Можно в милицию отдать!

Рассмотрев полароидную фотографию, один из водил угрюмо пробормотал:

- Ага, обязательно. Можешь этот снимок себе на память взять. Так они и станут искать этих... Вон на Дудаева был всероссийский розыск объявлен, что толку?

Перестав рыдать, я чисто автоматически приблизился к пацану, внимательно всмотрелся в лица, запечатленные на фото, и, вырвав из рук мальчишки фотографию, засунул ее в карман куртки, проигнорировав протесты маленького фотографа с опухшей щекой.

Нет, я не обижаю маленьких - это не в моих правилах. Просто мое сознание на общем фоне полного отчаяния вдруг вычленило одну рациональную мысль. Нет, в тот момент я даже отдаленно не представлял себе, как можно будет воспользоваться этой фотографией. Просто она была единственным связующим звеном, пусть зыбким и крайне ненадежным, но все же крохотным мостиком между мною и теми, кто увез в ночную мглу самого дорогого мне человека...

Глава 2

...Мужик стоял на опушке леса, обернувшись назад, и, прищурившись, смотрел на пятерых «духов», которые с ленивым любопытством наблюдали за его телодвижениями. Несмотря на достаточно прохладную погоду, а стоял конец апреля, на лбу у мужика подрагивали крупные градины пота. Кроме того, темные пятна, выступившие на клетчатой рубашке несколько минут назад, свидетельствовали, что этот парень в одночасье вдруг тотально вспотел, - хотя он не бегал и не совершал титанических усилий. Это объяснялось просто: мужик не хотел умирать.

- Ну че встал? Ты иди давай, иди, - посоветовал один из чеченцев - худощавый фиксатый черныш лет сорока, облаченный в баранью душегрейку и папаху. - Топай. - Он ткнул для убедительности стволом автомата в направлении леса. - Туда топай.

Мужик тяжело вздохнул и отрицательно помотал головой: в этом месте метрах в тридцати от опушки шла сплошная полоса минных заграждений - он прекрасно об этом знал.

- Не пойду. - Мужик упрямо сжал губы и нахмурился, стирая пот со лба. - Уж если совести у вас совсем нет, мочите прямо здесь. А то ногу оторвет - буду мучиться, хрен его знает, как долго. Или отпустите, или мочите - не пойду туда, и точка.

- Э-эээ - че дурака включаешь? - сокрушенно произнес фиксатый и пояснил: - Мы тебя здесь убить не можем - тут ваши спецы частенько работают. Вдруг труп найдут? Рядом село - женщины, дети... Труп найдут - будут зачистку делать. Самолеты будут, «вертушки», пушки - ну, сам знаешь. Невинные люди страдают. А подорвешься на mine - хорошо. Если на mine,

сам значит, спроса ни с кого нет. Ты же не хочешь, чтобы невинные пострадали, э?

- Ну и что - спецы, - угрюмо буркнул мужик. - Закопайте поглубже, они же не будут в земле ковыряться...

- А вдруг будут? - не согласился фиксатый. - Найдут труп - женщины, дети пострадают. И потом, неохота землю копать...

- Я в гробу видел ваших женщин и детей! - Мужик развернулся, смачно плюнул в сторону «чехов» и внезапно сел на землю. - Не пойду никуда - хрен вам!

Как только он сел, я поднял указательные пальцы обеих рук вверх и качнул ими в сторону пятерых боевиков, так неосмотрительно сгучившихся на опушке леса. Тотчас же из кустов с двух направлений затрещали автоматы с ПББС - пятерка «духов» аккуратно легла неподалеку от сидящего мужика, а сам сидящий ошалело вытаращился на моих разукрашенных бойцов, выскочивших из кустов.

- Ну вот, мужик, с тебя коньяк, - сообщил я спасенному, выбираясь из канавы. - Или нет, лучше «Абсолют» - местный коньяк в последнее время чего-то испортился, батенька...

Вот таким образом началось мое знакомство с полковником ФСБ Анатолием Петровичем Шведовым. Как потом выяснилось, Шведов что-то там выискивал неподалеку, его прихватили «духи», приехавшие в село за провиантом, маленько побили и, за неимением времени и отсутствием возможности транспортировать на свою базу, решили ликвидировать как российского шпиона. А я с бойцами аккуратно в это время возвращался из рейда и заинтересовался возней на опушке. Короче, повезло полковнику. Не разгляди я тогда мелькнувшую меж кустов клетчатую рубаху, «духи» бы с ним долго не церемонились.

Какого хрена он там что-то выискивал, я интересоваться не стал - не так воспитан. Добравшись до нашей заставы на трассе Ростов - Баку, я вручил спасенного полковника особистам и укатил с бойцами на ВПУ. На войне круг общения весьма разнообразен, и впоследствии мы неоднократно встречались со Шведовым в разных местах Чечни и пару раз даже коротали время за чаркой. «Абсолют» он мне так и не презентовал, но как-то при случае вручил визитку со своими реквизитами и сказал:

- Будешь в столице, заходи без церемоний. Помни: я - твой должник...

Это, конечно, глупо - сломя голову мчаться за помощью к малознакомому мужику из ФСБ, пусть даже я и спас ему жизнь. Однако мне надо было срочно попасть в Чечню, причем не в обычной ипостаси, а как частному лицу. Я совсем не был убежден, что Шведов взмахнет ресницами и проблема моментально разрешится, отнюдь. Вполне могло оказаться, что никакого Шведова в природе не существует и мой полковник - не более чем легенда, под которой в Чечне работал какой-нибудь контрразведчик. Вполне могло оказаться, что телефон на визитке - просто цифры, тиснутые бронзовой краской на аккуратный прямоугольник плотной глянцевой бумаги по принципу «три П»: пол - палец - потолок. И вообще, просто чудо, что я не потерял эту карточку: помнится, я засунул ее в кармашек разгрузки, и она не выпала лишь совершенно случайно. Короче говоря, я действовал наобум, как зомби с принесенной программой: вот цель, вперед, без отклонений. Да, разумеется, у меня много хороших знакомых - на кривых тропинках войны люди быстро привязываются друг к другу, и при необходимости все мои боевые братья встали бы плечом к плечу, чтобы помочь другу, попавшему в беду. В данном случае такая помощь была для меня абсолютно бесполезна. Единственный, кто мог реально что-то сделать, по моим рассуждениям, - это был Шведов или

кто-то там еще, работающий под его именем.

Прибыв в Москву, я прямо с Павелецкого вокзала позвонил по указанному в визитке телефону. Когда на том конце слегка раздраженный голос ответил:

- Да, Шведов. - Я едва не упал в обморок и даже прослезился от счастья.

- Это я, Сыч, - хрипло пробормотал я. - У меня беда.

- Ты где? - буднично поинтересовался Шведов, будто мы расстались вчера вечером после совместной попойки.

- На Павелецком, - я выглянул из будки и быстро сориентировался, - возле «Мини-маркета», ну, под желтой вывеской. Только приехал...

- Я тебя понял, - оборвал меня Шведов. - Стой на месте, никуда не ходи - заберу.

Минут через пятнадцать ко мне подкатил черный «ГАЗ-31» с нулями, и сидевший рядом с шофером Шведов, высунувшись в окно и пожав мне руку, бросил:

- Ты плохо выглядишь. Падай назад, - и показал большим пальцем правой руки себе за спину.

Буквально через полчаса я сидел в мягком кресле в просторном холле шведовской квартиры и лаконично повествовал о своих злоключениях, пытливо всматриваясь в лицо сидевшего напротив хозяина, стараясь уловить его реакцию.

- Боюсь, что покажусь тебе черствым и бездушным, - сказал Шведов, выслушав мое повествование, - но утешительного ничего сообщить не могу. Ты знаешь, сколько русских женщин бесследно исчезли в Чечне за последние пять лет?

- Не знаю, - безразлично ответил я, - наверно, много. Мне те женщины по барабану. А свою я буду искать. Даже если вы мне не поможете, я найду способ попасть туда...

- Это дохлый номер. - Шведов махнул на меня рукой и болезненно поморщился. - Ты, Антон, лучше смирись и положишься на судьбу. Мало ли как бывает - вдруг она к тебе сама объявится через некоторое время? Хотя...

- Что это вы несете? - Я ненавидяще уставился на Шведова - обида комком скакнула к горлу: не так должен был реагировать на мою беду человек, которому я спас жизнь. - Ну вы даете! Объявится! Вот спасибо, хорошо! - Я встал из кресла и направился к выходу, даже отдаленно не представляя себе, что я буду делать после того, как окажусь за дверью. Нет, не такой прием я ожидал встретить. Хотелось выскочить и набить кому-нибудь рожу, на худой конец заорать что-то непотребное.

Слезы застилали глаза, еще чуток - и разрыдаюсь. Шведов одним прыжком догнал меня, схватил за локоть и начал водворять обратно в кресло, ласково увещевая:

- Тихо, брат, тихо. Не надо пороть горячку! Ну - заработался я, очерствел, ну, извини - ляпнул, не подумав... - и далее в таком же духе.

Особо не сопротивляясь, я снова уселся в кресло и агрессивно сообщил своему визави:

- Я буду искать ее в любом случае, неужели не ясно?! Вон матери солдатские, бывает, ищут

своих сыновей по полгода и находят же иногда. Некоторым, кстати, похоронки приходят, а они прутся к черту на кулички, и где-нибудь под Ведено или Бамутом отыскивают своих сыновей. Пусть без яиц, в дистрофическом состоянии, но находят!

- Так это солдаты, Антон, - мягко возразил Шведов и тяжело вздохнул. - Солдат, он и есть солдат, пацан... А женщина - это совсем другое дело. Что это они пропадают в таком количестве, как ты полагаешь, а? Это же зверье, нелюди! Схватят в рейде или с поезда снимут и развлекаются до тех пор, пока баба не помрет. Потом бросят где-нибудь...

- Я в курсе, - оборвал я Шведова. - Не надо детализировать... Я вот что думаю: доберусь до первого попавшегося села на подконтрольной «духам» территории, возьму в заложники их женщин и детей и объявлю: давайте ищите мою жену. Вот параметры. - Я выложил на стол несколько фотографий Светланы. - Если не сыщут через пару суток, начну отстреливать заложников по одному...

- Ннндаааа, - озабоченно протянул Шведов. - Тяжелый случай. - Он взял фотографии и некоторое время рассматривал их, барабаня пальцами по столу, затем спохватился: - Слушай, ты за эти трое суток ел хоть что-нибудь, а?

- Ничего не ел, - сообщил я. - Не ел и не пил - не хочу.

- Так-так. - Полковник покачал головой и хмыкнул. - Ну и зря. У тебя стресс. Надо было напиться.

- Пить не буду, - упрямо возразил я. - Пока не сыщу жену.

- Тогда схлопочешь шизу, - сказал Шведов и вновь болезненно поморщился. - Вот что. Я сегодня занят до упора, ночевать не приду. Мои за городом, на даче. Оставайся, хозяйничай тут. Завтра утром я приеду, а там...

- Мне некогда ждать до завтра. - Я опять встал из кресла и набычился. - Вы сразу скажите - можете помочь или нет? Если нет - спасибо, я сам как-нибудь.

- Ну что ты заладил - сам да сам. - Шведов раздраженно хлопнул по столу ладонью. - Сядь! И как это ты себе представляешь? Тебя даже не пустят на подконтрольную федералам территорию, если сунешься в частном порядке. Я займусь твоим горем - сам ты не соорудишь ничего хорошего, только нарвешься на неприятности. Ясно?

- Ясно. - Я уселся обратно и горячо пожал Шведову запястье. - Спасибо!

- Не за что, - полковник кисло улыбнулся. - В общем, завтра утром я тебе все обрисую - надо кое-что там уточнить... Ты буйный во хмелю?

- С чего вы взяли? - удивился я. - Вообще-то, насколько мне известно, прецедентов не бывало.

- Аааа! Да-да, - спохватился Шведов. - Помню, помню - ты в пьяном виде становишься страшно добрым и хочешь спать где попало. Короче, оставайся у меня, хорошенько покушай и напейся вдрызг. Жратва - в холодильнике, выпивон - в серванте. Это приказ. Иначе шизу подхватишь - а в невменяемом состоянии, я полагаю, ты и сам прекрасно понимаешь, какой из тебя сыщик получится. Ну все, я пошел, до завтра. - Распорядившись таким образом, полковник стремительно стартанул из кресла и скрылся за дверью, не оставив мне времени для возражений.

Я немного посидел в кресле, анализируя свое состояние, и пришел к выводу, что если еще не сошел с ума за эти трое суток, то вполне близок к этому. Страшная тяжесть утраты любимого человека раздавила меня окончательно: вызвав в памяти образ Светланы, я ощутил, что жаркая волна бессильной ярости уже не подступает к горлу, как было ранее. Только давящее чувство непоправимой беды господствует в сознании – более ничего... Я был опустошен, разбит и лишен совершенно каких-либо эмоций. Прав был Шведов, в таком состоянии только с гранатой на дот бросаться, нет мне более достойного применения. Немного посомневавшись, я решил остаться – рассудок все равно не подсказывал ничего приемлемого для поисков супруги.

Прихватив из серванта литровую бутылку «Кремлевской», я прошел на кухню, вытащил из холодильника колбасу и сыр и буквально уже через пятнадцать минут надрался до состояния полной потери ориентации в пространстве, как и приказал полковник Шведов.

Очнулся я от того, что какой-то нехороший субъект окатил меня холодной водой – причем весьма обильно и недружелюбно. Ошарашенно таращась по сторонам и отфыркиваясь, я приподнялся и обнаружил, что располагаюсь на полу в кухне, рядом стоит свежесбривший Шведов с мешками под глазами и здоровенным пустым ковшиком в руке и озадаченно морщит лоб.

- Ну ты даешь, Сыч! – удивленно покачал головой полковник. – Выкушал сам на сам литр водочки, а закусил двумя бутербродиками с колбасой и сыром, судя по наличию продуктов. Плохо не стало?

- Не-а. – Я сладко зевнул, поднялся с пола и обозрел интерьер: за окном слегка рассвело, часы на стенке показывали половину шестого утра. – Был приказ: нажраться. Приказ выполнен. Я вообще страшно дисциплинированный, когда чувствую, что решение начальника разумное и единственно правильное в данной ситуации.

- Ну-ну, – неопределенно хмыкнув, полковник показал мне жестом на сегмент мягкого уголка, а сам напялил фартук и открыл холодильник.

Усевшись за стол, я некоторое время наблюдал, как Шведов сооружает здоровенную яичницу с ветчиной на имевшей свежие следы предыдущих жарок огромной сковородке. Во рту пересохло, голова была страшно тяжелая и непременно желала упасть на грудь – думать ни о чем не хотелось.

- Ну вот, совсем другое дело, – резюмировал Шведов, покосившись на меня. – Ты слегка эмоционально разгрузился. А может, и не слегка... Похмеляться будешь? Пиво есть.

- Не буду, – героически отказался я и, облизнув пересохшие губы, выровнял голову и зафиксировал взор на физиономии полковника, точнее, на его правом ухе, так как полковник располагался боком по отношению ко мне и разворачиваться пока что не желал. – Результат? – грозно прошептал я и поперхнулся.

- Ха! Шустрый больно! Результат, – передразнил Шведов и укоризненно покрутил головой, но, напорвшись на мой пронзительный взгляд, поспешил добавить: – Да все в ажуре, братан. Все тип-топ... Я сооружу тебе тур в Чечню со всеми удобствами и под хорошей «крышей». Короче – повезло. Хотя, если хорошенько разобраться, везение – суть совокупных усилий индивида и в конечном итоге критерий его рационального труда на пути к намеченной цели.

- Какой тур? – удивился я. – Туда что, туристы ездят? Вот так ничего себе!

- Не торопись, май дарлинг. - Полковник подмигнул мне и ловко водрузил сковородку на подставку. - Давай поедим, а в процессе я быстренько опишу тебе суть.

Глянув на сковородку, я вдруг ощутил зверский аппетит - до того заманчиво выглядели сочные ломти розовой ветчины, обильно залитые яйцом и присыпанные зеленым луком.

- Можно, - согласился я и, вооружившись вилкой, приступил к трапезе, слушая между делом рассказ полковника.

- Там козел один есть, - сообщил Шведов, набив рот яичницей, - англичанин. Независимый журналист с громким именем и все такое.

- Что, совсем плохой? - поинтересовался я в перерыве между движением челюстей. - Почему козел?

- Ну не то чтобы совсем, - поправился полковник. - И, может, вовсе не козел. Но фрукт. Короче, хочет книгу писать о справедливой войне чеченского народа против российских оккупантов и зверствах федеральных войск.

- Вот как! - удивился я. - А вы его в расход не вывели?

- Нельзя, - полковник негодуя взмахнул вилкой. - Плюрализм, бля. Демократия.

- Очень жаль, - констатировал я и насадил на вилку очередной кусок ветчины.

- Согласен, - кивнул Шведов и продолжил: - Однако не в этом суть. Ты, насколько я помню, сносно владеешь чеченским?

- Ну, сносно - это сильно, - поправил я. - Понимаю разговорную речь, могу обиходные фразы произносить.

- Ага. - Шведов подмигнул мне. - А еще ты обучался в спецшколе с английским уклоном. Так что, насколько мне известно, довольно хорошо владеешь английским. Ну, прямо шпион!

- Откуда вы знаете про спецшколу? - удивился я. - Вы что, затребовали мое личное дело?

- Это не важно. - Шведов небрежно махнул рукой. - Так что там с английским?

- Разговорным владею сносно, - признался я, - читаю средненько, пишу вообще только со словарем - в грамматике дуб дубом.

- Ну и ладушки, - успокоил полковник. - Писать тебе вряд ли придется. Короче - мы пасем этого козла. Мало ли что? Вдруг он не тот, за кого себя выдает. Сейчас такое время - и под более солидной личиной проникают шпионы. Всех не проверишь. Он себе давно уже все оформил и выбил документы, необходимые для беспрепятственного передвижения в зоне боевых действий, готовился двигать уже неделю назад. Но наши выставили условие, так как одному туда соваться весьма рискованно, нужен человек, хорошо знающий местные обычаи, географию, короче - гид. Кроме того, он сам по-русски может общаться только с разговорником, хотя и коллекционирует нашу ненормативную лексику. Этот козел предпринимал какие-то телодвижения в плане самостоятельного поиска гида, однако наши быстро отмазали всех желающих заработать. Отправить с ним никого не можем - каждый человек на счету. Если с каждым журналистом отправлять по сотруднику, некому работать будет. Сейчас он сидит в «России», злой как черт и хочет куда-то там жаловаться. В принципе

ему ненавязчиво объяснили, что это бесполезно. Ну вот, собственно, и все. Сейчас приведешь себя в порядок, и поедем к нему.

- А он возьмет меня? - усомнился я. - Вдруг он заподозрит, что я ваш сотрудник?

- Если я не ошибаюсь, ему сейчас по барабану - сотрудник, не сотрудник. - Шведов закончил подчищать хлебом остатки яичницы и разлил по чашкам кофе. - Он торчит здесь лишних семь дней и ухватится за тебя, как за спасительную соломинку. Представишься специалистом-этнологом, хорошо знающим обычаи горских народов и географию Чечни. Вот, кстати, это тебе. - Шведов вытащил из-под стола «дипломат» и, раскрыв его, извлек кожаную автомобильную аптечку и пластиковую карточку. - Это твоя ксива и походный арсенал. По дороге объясню, как им пользоваться.

На карточке красовалась моя фотография с информацией о том, что я - Роберт Дэниел, корреспондент английской газеты «Гардиан».

- Ох ты! - воскликнул я. - Лихо! А откуда у вас моя фотография?

- А, какая разница, - уклончиво пробормотал Шведов. - Бери, пользуйся. Этому козлу объяснишь, что так вам будет безопаснее путешествовать: русского могут где-нибудь под горячую руку пустить в расход, а англичанина, рубль за сто, не тронут. Если будет интересоваться, где взял удостоверение, объяснишь, что купил на базаре. Он все равно будет запрашивать свой ИЦ и сразу выяснит, что никакого Роберта Дэниела в природе не существует. Так что - пусть лучше сразу тебе верит. Ну, марш в ванную, отправляемся через пятнадцать минут.

Спустя сорок пять минут я сидел в гостиничном номере и беседовал с белокурым дородным мужиком лет сорока, который беспрестанно лучился обаятельной улыбкой и пристально смотрел на меня серыми глазами, в коих не отслеживалось даже капельки доверия.

Звали его Тэд Прайс, моему приходу он действительно страшно обрадовался. Особенно когда я сообщил, что знаю Чечню как свои пять пальцев, и вообще, Тэд оказался весьма обаятельным парнем.

Через шесть минут с начала разговора я не выдержал и выложил ему свою историю, сдав с потрохами замыслы ФСБ и проигнорировав вполне реальную возможность прослушивания нашей беседы коллегами Шведова: мне нужен был единомышленник, в таких делах нельзя играть втемную.

Выслушав меня, Тэд довольно долго молчал - думал. Затем он вздохнул и сообщил:

- Если это не легенда КГБ, то это просто ужасно, мой друг.

- ФСБ, - поправил я. - И никакая это не легенда. У меня язык бы не повернулся врать про такое!

- ФСБ - все равно КГБ, - махнул рукой Тэд. - Ну а если это не легенда, я постараюсь всячески помочь тебе, мой друг.

Глава 3

- Не дергайся, скотина! Стой спокойно! - скомандовал долговязый мужик с прыщавой рожей, закатив возмущившемуся было Тэду смачную оплеуху и сильно ткнув в спину стволом автомата,

заставляя пошире раздвинуть ноги и опереться руками о крышу «Лендровера». Тэд не понимал, чего от него хотят, и, естественно, добросовестно упирался, ругаясь вполголоса английскими непечатными изречениями. – Вот, бля, настырный! Щас пристрелю, урод! – возмутился долговязый и еще разок ткнул журналистскую спину автоматом.

– Он не понимает по-русски – англичанин, – счел нужным вмешаться я. – Вы мне говорите, я буду переводить. – Я безропотно стоял с другой стороны автомобиля и послушно держал руки на крыше, выражая всем своим видом крайнюю степень покорности.

– Ага, англичанин, – недоверчиво пробурчал прыщавый. – Принц Чарлз, бля.

– Да вы не волнуйтесь – мы сами отдадим вам все, что нужно, – пообещал я и успокоил Тэда: – Они нас просто-напросто грабят, старина. Сопротивляться бесполезно – могут пристрелить.

– Черт-те что, – пробормотал Тэд, болезненно морщась и выгибая истыканную автоматом спину. – Я – британский подданный! Я – журналист с европейским именем! Тут же имеют место политические аспекты...

– Им аспекты по барабану, – терпеливо пояснил я. – Пристрелят, и все дела. Так что стой спокойно.

– Э-э, чего это вы там лопочете? – подозрительно уставился на меня худощавый прыщевладелец.

– Я же сказал – он по-русски не понимает, – повторился я, обращаясь к грабителю, и быстро осмотрелся. Перед носом нашей машины поперек шоссе стояла бежевая «шестерка». Сорок секунд назад она стремительно и коварно выпрыгнула из кустов, и я едва успел притормозить. Кроме прыщавого переростка, неподалеку находились еще двое мужиков среднего возраста. Умело разобравшись по обе стороны «жигуленка», они держали нас под прицелом короткоствольных АКСУ.

– Господа! Мы – журналистская миссия из Лондона, – поспешил пояснить я, видя, что прыщавый продолжает хмуриться и нервно дергает бровью. – Отпустите нас, мы дадим вам по сто долларов и на этом будем считать инцидент исчерпанным.

– Хрен в сумку, – перебил долговязый и махнул соратникам. – Че там прикрывать – тачку шмонайте живее, а то поедет кто-нибудь.

Двое покинули свои позиции и резво забрались в салон нашей машины – начали потрошить сумки. Я почувствовал, как нехорошо екнуло в груди, – отчего-то мне шибко не понравилось, что грабители были без масок. Об убийствах на этом шоссе передавали в телепередачах еще до войны. Полагаю, что по прошествии полутора лет ситуация здесь совсем не улучшилась. Не было для этого предпосылок.

Долговязый выложил на капот содержимое карманов Тэда, развернул его спиной к машине (грамотный, скотина!) и перешел ко мне. Уфффф! Наконец-то, родной ты мой! Долго же я ждал этого. Я даже облегченно вздохнул – диспозиция складывалась чрезвычайно удачно. Теперь я покажу, на что способен.

Как только долговязый начал по-хозяйски шмонать мои нагрудные карманы, я чуток сместился вправо, прижимаясь плечом к его автомату, и двинул грабителя локтем в горло – он даже крикнуть не успел. Затем я для верности прислонил долговязого к задней дверце машины и рыбкой прыгнул в правую переднюю дверь на того, что сидел на переднем сиденье,

перегнувшись через спинку, и ковырялся в чехольных сумках.

От резкого толчка второй бандит взвыл, и тут я одним движением свернул ему голову, отметив, как противно хрустнули шейные позвонки. Не давая опомниться третьему грабителю, расположившемуся на заднем сиденье, я резким движением руки врезал ему в кадык.

Все. Схватка окончилась со счетом три-ноль в нашу пользу.

- Что стоишь? - прикрикнул я на разинувшего рот Тэда. - Давай тащи убудка из салона, сейчас все сиденье загадит!

Тэд оторопело застыл на месте, хлопая глазами и судорожно вздрагивая ресницами: по всем признакам через несколько секунд он выйдет из состояния шока и, если успеет, рванет к придорожной канаве.

- Тьфу, япона мать! - Я досадливо поморщился, выскочил из машины, обежал вокруг и выдернул конвульсивно вздрагивавшее тело третьего бандита наружу. Затем я освободил салон от присутствия второго тела и, приложив ладонь к бровям, обозрел окрестности. Приближения какого-либо транспорта пока не наблюдалось, хотя совсем недавно нам навстречу через каждые полминуты попадались разные машины. По-видимому, эти ребята высчитали цикличность движения транспорта и действовали по графику. Молодцы, ничего не скажешь.

Тэд благополучно добрался до канавы и, скрючившись на краю, начал возвращать обратно съеденные в обед сосиски с кетчупом.

- Какие мы нежные! - укоризненно пробормотал я, с сожалением констатировав, что погрузочные работы придется производить в одиночестве, и перетащил тела всех троих в «Жигули», зафиксировав по ходу действия, что никто из бандитов не подает признаков жизни.

- Не грабь где попало, не наставляй ствол на мирных людей, - скороговоркой пробормотал я, оправдываясь перед собой, - что греха таить, мог бы разобраться с придурками попроще, если бы тормоз вовремя включил...

Сорвав с сидений бандитской машины чехлы, я рысцой вернулся к «Лендроверу» и выдрал из салона залитую кровью накидку (загадил-таки, паршивец кадычный!). Сняв «родные» чехлы с передних кресел, я натянул на их место жигулевские и уже спустя пару минут упаковал три тела вместе с автоматами и окровавленными тряпками на заднее сиденье бежевой «шестерки».

Между тем Тэд прекратил издеваться над канавой и, хлопая ресницами, оторопело наблюдал за моими телодвижениями, не делая попыток поинтересоваться дальнейшим ходом мероприятий по ликвидации следов случившегося инцидента.

- Что торчишь, коллега! - ободрил я его. - Давай садись в машину, изображай томный отдых - вон «КамАЗ» подъезжает.

Тэд покорно закивал головой и на ватных ногах поплелся к «ленду» - с запада по шоссе к нам действительно ехал какой-то рефрижератор, за ним виднелись еще несколько движущихся точек. Видимо, «окно» закончилось.

Забравшись в «шестерку», я завел двигатель и, немного разогнавшись по шоссе, с ходу вломился в заросли акаций, едва не перевернувшись в канаве. Врезавшись метров на пять в кусты, «жигуль» заглох и встал. Через некоторое время мимо пролетел с солидной скоростью «КамАЗ». Если сидящие в его кабине что-то и увидели, так разве что бежевый зад «шестерки».

Немного посомневавшись, я прихватил один автомат, отсоединил у двух других магазины и, обождав, пока мимо проедут еще несколько машин, покинул салон «Жигулей».

Последующие пятнадцать минут мы занимались пустяками, предварительно отъехав от места происшествия метров на пятьсот. Сначала Тэд лил мне на руки воду из канистры, брезгливо морщась и отворачиваясь в сторону, затем я сверлил в полу «ленда» аккуратные отверстия и по ходу дела идеологически обрабатывал брызжащего коллегу.

- Не нравится мне все это, - в таком духе высказывался Тэд. - Мы совершили преступление и должны немедленно сообщить об этом вашим правоохранительным органам.

- Ага, обязательно сообщим, - соглашался я, - и застрянем минимум на неделю, пока разборки не завершатся. А потом, если нас в ментовке не грохнут, будем всю жизнь вздрагивать во сне, потому что уже завтра «братва», контролирующая трассу, начнет мстить нам за своих корешей.

- Но это все равно раскроется! - не отставал Тэд. - Очень скоро машину с трупами обнаружат.

- Пусть обнаружат, - парировал я. - Ну и хрен с ними - тремя трупами больше, тремя меньше. Это мало повлияет на общую криминальную статистику.

Немного успокоившись, англичанин поинтересовался:

- А зачем ты сверлишь отверстия?

- Сейчас увидишь. - Я закончил сверлить, замотал АКСУ с магазинами в пластиковый пакет, изъятый у Тэда, и минут пять прикручивал его проволокой снизу к днищу автомобиля - для этого пришлось лечь на асфальт и частично забраться под машину. Прикрутив сверток, я обильно смазал его машинным маслом и, полюбовавшись с трех позиций на дело рук своих, счел, что все сделал как надо.

- Ну вот и ладушки. - Усевшись на водительское место, я пристроил половые коврики и завел двигатель.

- Это оружие обнаружат на первом же КПП, как только мы заедем на досмотровую яму, - хмуро предрек Тэд. - У нас будут неприятности с властями.

- Там, где мы будем ехать, досмотровых ям нет, - возразил я. - Через три минуты этот аккуратный сверток покроется обильным слоем пыли, и обнаружить его будет весьма проблематично - можешь мне поверить. Ну а если и обнаружат, я возьму все на себя - мол, мой автомат, и все тут. Поехали, что ли?

- Поехолли! - старательно повторил Тэд, и я удовлетворенно хмыкнул: если журналист попугайничает, значит, все в норме - вышел из состояния прострации.

Вот таким приятным образом было нарушено наше однообразное перемещение по автомагистрали № 26 - причем еще задолго до въезда на территорию Чечни. Дело в том, что Тэду загорелось непременно сегодня отправиться в круиз, - сразу же после того, как мы ударили по рукам, обговорив основные пункты совместной деятельности и обозначив степень значимости каждого из нас в общей сфере приложения усилий.

Сообщив, что через час мы убываем, мой новоявленный шеф пробормотал возбужденно:

- Подожди меня здесь, я буду минут через двадцать, - после чего оставил меня наедине с телевизором и прочно застрял где-то часов на шесть. За это время я успел слопать все бутерброды, имевшиеся в холодильнике, уничтожил четыре банки пива и в конечном итоге заснул прямо в кресле.

Пробудившись, я обнаружил, что стрелки на моих часах фиксируют четыре часа пополудни, а на тахте сидит взъерошенный Тэд и что-то злобно шепчет себе под нос. Сладко зевнув, я поинтересовался:

- Какие-то проблемы?

На что британец сердито ответил:

- Я ваш бардак в саркофаге наблюдал!!!

- В гробу видал, - машинально поправил я. - Что так сурово?

- О-е! - воскликнул Тэд, доставая из кармана блокнот и делая пометку. - В гробу видал! Ты будешь мне помогать осваивать ваш фольклор. - И тут же разразился ругательствами в адрес какого-то нехорошего предприятия, которое, судя по объявлению, должно заниматься прокатом автомобилей, а вместо этого его сотрудники пытались всучить англичанину пару десятков раздолбанных и совершенно непригодных для длительного путешествия машин. Когда же он начал возмущаться, ему пригрозили - как это, о-е: «еппле начисститть!». Короче, машину он там так и не получил, а потому пришлось взять в аренду «Лендровер» в хорошем состоянии у какого-то аккредитованного в Москве журналиста из редакции «Дейли ньюс». После этого возникли какие-то сложности с оформлением доверенности, затем еще что-то...

- Ясно, - подытожил я. - Значит, стартуем завтра рано утром. Пока сделаем покупки, пока то да се...

- Только сегодня! Именно сегодня, - уперся Тэд и добавил: - Ты сам в этом кровно заинтересован.

Вот так, с шутками и прибаутками мы выбрались из столицы только в 17.30, и в течение четырех часов мой шеф добросовестно заносил в свой блокнот все, что я выдавал на-гора из ненормативной лексики, повторяя каждую фразу на разные лады и сияя при этом как медный таз, словно раскрывал перед ним нетронутый кладезь глубинной народной мудрости... Пока не напоролась на этих незадачливых шоссейных волков.

Итак, с момента происшествия минуло что-то около сорока минут, солнце нырнуло за линию горизонта, и, постращав нас немного кровавым багрянцем зловещих сумерек, на шоссе опустилась теплая летняя ночь.

Тэд притих и задумчиво наблюдал за мелькавшими в свете фар кустами - видимо, переживал заморочку с незадачливыми грабителями. Ничего, паря, привыкай! Подожди, доберемся до Чечни, там еще не такое увидишь.

- Ты феноменально подготовлен физически. - Тэд зажег сигарету, и при вспышке зажигалки я мельком зафиксировал его пристальный взгляд, адресованный моему профилю. - Я начинаю верить в твою версию.

- Версию? - Я хмыкнул и покачал головой. - Ты что, до сих пор считаешь, что я тебе вру?

- Ты слишком легкомысленно выглядишь для человека, убитого горем, - сообщил Тэд. - Я вот что думаю. Если бы, положим, у меня украли самого близкого человека, я бы стонал от горя и пребывал в невменяемом состоянии, ну... как минимум неделю. А ты собран, рассудителен, всю дорогу пичкаешь меня каламбурами... Сепаратисты не брали твою жену, да? Это ты просто придумал - так?

- Сепаратисты! - Я досадливо крикнул. - Надо же - словечко нашел! Это для тебя, возможно, они сепаратисты. А для меня и мне подобных - «духи», «душки», одним словом, это очень емкое понятие. Если я буду стонать и валяться в невменяемом состоянии - кто будет искать мою жену? У меня имеются вполне реальные шансы: есть фото с рожами этих уродов, есть ты - средство проникновения в стан врага, куда в обычной ипостаси мне ни за что не попасть, есть какой-то процент уверенности, что супруга еще жива, - пусть ничтожно малый, тем не менее. И самое главное - это я сам. Я всесторонне подготовлен и потому имею большую по сравнению с другими вероятность удачного завершения дела, которое начал. Для того чтобы прилежно функционировать, мой организм должен быть в нормальном рабочем состоянии. Кому принесет пользу моя меланхолия? Если хочешь, это своеобразная психологическая установка: достичь цели любыми средствами, наиболее рациональным способом. У меня просто нет времени пребывать в невменяемом состоянии... Доступно?

- Доступно, - согласился Тэд и поинтересовался: - Это что - дзен? Особая форма аутотренинга?

- Можешь считать это дзенем. - Я равнодушно пожал плечами. - А вообще это моя жизненная позиция. Если есть хоть один маленький шанс достичь цели, надо отбросить в сторону все эмоции и личные слабости, сосредоточиться и разрабатывать этот шанс, пока не придешь к конечному результату. Это принцип спецназа.

- Да, это серьезно, - заключил англичанин. - Если цель - убивать, вы, с этим вашим дзенем, становитесь опаснее любого хищника. Этакие роботы-убийцы с заложенной программой на уничтожение.

- Ну, брось, - я недовольно поморщился. - Основная задача моей профессии - это сохранение и спасение чьих-то жизней. Порой даже ценой собственной. А то, что я убил этих троих, - так это мое частное дело, не надо путать с профессиональной ориентацией. Если бы я их пожалел, они наверняка уколошили бы нас - это «летучие призраки». - Сделав такое сообщение, я каменным взором уставился вперед, чтобы не встретиться с напарником взглядом. Я безбожно врал потому, что ни о каких «летучих призраках» никогда не слышал.

- О! - удивился Тэд. - Это особый класс преступников?

- Это секта маньяков-убийц, - на ходу сочинил я. - Они грабят на шоссе и убивают, а потом повсюду надругиваются над телами...

- Да, это ужасно, - тихо пробормотал британец и после некоторой паузы резюмировал: - Итак, ради спасения своей жены ты отринул в сторону эмоции, пренебрег собственной безопасностью, между делом убил троих маньяков, которые могли помешать тебе в достижении цели. Так?

- Да, именно так, - согласился я. - Я встану один против полка, если буду уверен, что после того, как меня наспигуют пулями, моя жена, живая и невредимая, вернется домой.

- Крррутто! - уважительно протянул Тэд и, включив на пять секунд верхний свет, пробежался взглядом по страничкам своего блокнота. - О-е! Кррутто! - подтвердил он и, выключив свет, потрепал меня по плечу. - Это «мощща»? Да?

- Это норма, - отмахнулся я от него. - Так и должно быть. Чего ради брызгать слюнями, если беда уже произошла? Надо бросить все силы на ликвидацию последствий. И хватит об этом. Кстати, давай-ка поменяемся. Теперь твоя очередь рулить, хватит сачковать.

- Но скоро кемпинг, - возразил Тэд. - По карте сорок километров до кемпинга! Там мы сможем отдохнуть в нормальных постелях...

- Какой, к черту, кемпинг! Какие постели! - Я раздраженно хмыкнул и покачал головой. - У тебя старый атлас. В лучшем случае там будет захудалая гостиница без воды, но с тараканами и клопами, в которой до утра пьяные хачики будут гоняться за малолетними шалавами, а у нашей тачки открутят колеса и снимут лобовое стекло, если вообще не упрут всю целиком. Ха - кемпинг! Давай пересаживайся. - Я остановил машину и выбрался из салона, приглашающим жестом указав англичанину на водительское место. - Сит даун плиз, май дарлинг... Давай, давай, братан.

- Праттан... О-е, - задумчиво пробормотал Тэд, перебираясь за руль, и поинтересовался с нотками сожаления в голосе: - Будем вояжировать без ночного отдыха, так?

- Непременно, - подтвердил я. - Отдыхать будем на том свете.

Глава 4

Я не врал Тэду, когда утверждал, что ориентируюсь на территории Чечни, как в собственном сортире - изрядно загаженном, но до боли знакомом. За последние полтора года я изучил эту многострадальную землю как свои пять пальцев, и если по каким-то от меня не зависящим причинам не побывал в том или ином населенном пункте, то уж вдоволь налюбовался на его достопримечательности через бинокль или иную оптику, снабженную сеткой прицела.

Да, не врал... Вот и это местечко мне хорошо знакомо: осенью прошлого года мы пять дней пасли тут «лицедеев». Это такие... Ну, в общем, не знаю, как они именуются в официальном контексте, но то, что это крайне сволочные особи, - факт.

Среди воюющих «духов» есть отпрыски, похожие на славян или принадлежащие к тому аморфному типу, который встречается практически среди всех этнических групп. Этакое физиономы-космополиты, хрен поймешь, какой они нации. Среди воюющих есть также и натуральные славяне: наемники, решившие подмолотить «капусты», или просто родившиеся в Чечне ассимилированные русаки. Вот из таких типов формируются группы «лицедеев», которые в зоне боевых действий под видом наших федералов занимаются беспределом и тем самым всячески дискредитируют образ российского воина. Я не знаю, плановая это политика так называемого правительства «свободной Ичкерии» или частная инициатива некоторых полевых командиров, но «лицедеи» вытворяют такие штуки, за которые не то что гордый горец, а любой нормальный человек готов порвать их на куски. Они, например, могут группой в пять-шесть голов завалить в какое-нибудь село на договорной территории и устроить там показательные выступления в стиле СС: ограбить, поджечь, пристрелить попавшихся под руку детей и стариков, угнать скот или отодрать во всех ракурсах какую-нибудь молодую чеченку прямо посреди улицы. Поскольку эти ребята одеваются в военную форму и на вид вылитые славяне, население делает соответствующие выводы. Ряды приверженцев газавата после таких выступлений, как правило, стабильно пополняются. А расположенная порой неподалеку застава федералов, будучи ни сном ни духом, может заполучить в ночь после выступления незапланированный минометный обстрел, парочку снайперов в «зеленку» или радиоуправляемый фугас во время утренней ходки хлебовоза с авторазливочной станции. В общем, очень плохие эти «лицедеи», самые натуральные оборотни.

Естественно, мы всячески с ними боремся. Если по агентурным каналам стало известно, что в таком-то районе их заметили, там тотчас же начинаются активные телодвижения всех имеющихся спецслужб и подразделений. Отловить «лицедеев» – это не просто боевая задача. Это возможность опозорить и опустить пославшего их на задание полевого командира и поставить под угрозу его жизнь – в общем, акция политического характера. Если кто-то из данного контингента попадет в лапы наших спецслужб, то спустя всего лишь полчаса будет давать совершенно правдивые показания – можете мне поверить. «Лицедеи» прекрасно осознают это и потому в случае возникновения угрозы пленения дерутся отчаянно. Ну а если все же поймали такого, да не повредили телесно, нужно моментально, пока не очухался, намертво закрепить его конечности и раздеть догола. Был случай, у одного такого подонка в плавках оказалась защита капсула с ядом: он, пока трясся в трюме бэтээра по дороге на «фильтр», связанный по рукам и ногам, умудрился стянуть их, отпробовал яда и благополучно отдал концы. Они поступают так почти всегда и в этом совершенно правы. Потому что после того, как в подвале «фильтра» или на том же ВПУ «лицедею» вкатят пентональчика, он наговорит кучу гадостей, и жизнь его будет очень недолгой и совершенно безрадостной.

Полевой командир, пославший «лицедея» на лихое дело, резко откажется от него. Ни один «чех» не возьмет на себя грех преступления против собственного народа. При этом он проникновенно взденет к небу глаза и горячо поклянется Аллахом, и все ему поверят, так как не может истинный мусульманин порочить великое имя своего покровителя. Мы, естественно, клали прибор на подобные клятвы, потому что твердо знаем: у волков свои законы, отличные от людских, и они могут запросто беспредельничать над собственным народом, чтобы в его темных душах неугасимо пылала страшная ненависть к русакам-монстрам во благо всеобщего газавата.

Доказать принадлежность оборотня к тому или иному отряду практически невозможно – по крайней мере, до сих пор это никому не удавалось. Если отбросить в сторону политическую сторону вопроса, то доказывать ничего и не надо: любой «чех», независимо от взглядов, узнав, что пойманный тип является «лицедеем», не оставит насильника-мародера в живых. Поэтому гаденыша крайне трудно взять в плен и еще труднее доставить куда надо живым.

В тот раз мы получили задачу во что бы то ни стало найти «лицедеев» в этом селе – наши лихие прогнозисты высчитали едва ли не со стопроцентной гарантией, что они должны там в ближайшее время появиться. Работа у них такая – высчитывать и давать ЦУ. А наше дело маленькое – сказано пасти, значит, будем.

Если кто-то представляет себе, что засада – это романтическое и таинственное мероприятие, он здорово заблуждается. Отслеживать появление в установленном месте интересующего тебя гипотетического объекта крайне нудное и неблагодарное дело. Нужно затаиться неподалеку от предполагаемого места появления таким образом, чтобы тебя никто не видел и не слышал, а самому все пеленговать и ничего не упустить. Это очень скучно, трудно и требует немалой сноровки и опыта, а самое главное – безграничного терпения. Можно караулить объект бесконечно долго, и достаточно одного неловкого движения, чтобы операция была провалена.

Я проторчал со своими бойцами в лесу возле этого села пятеро суток, ни разу не нарисовался, изучил визуально каждый чеченский дом и уже собирался уматывать восвояси – решил, что аналитики надули нас в очередной раз. Нет, не по злему умыслу, а просто так – по причине некачественного расчета и из-за недооценки обстановки.

Предпосылок для внезапного появления «лицедеев» в этом укромном местечке не было – я был уверен в этом на 100%. Здесь никого не обидели – село никто не зачищал, потому что отсюда

по федералам ни разу не работали. По существующему соглашению между администрацией и командованием группировки в селе имелся отряд самообороны в тридцать стволов – то ли бывшие «духи», которым надоело воевать, то ли черт знает кто вообще, но официально все было тип-топ. Так что, появившись здесь «лицедеи», им моментом надрали бы задницу. И еще – здешний лес, как и большинство прилегающих к селам насаждений, напичкан минами, поставленными на всякий случай. Так что прогуляться по его кривым тропинкам рискнет далеко не каждый местный житель – что уж говорить о чужаках.

На рассвете шестого с начала наблюдения дня в противоположной нашей лежке стороне села рванули две мины. Я дремал, привязавшись к стволу дуба, и потому не сразу отреагировал на характерный свист, предшествующий разрывам, а когда раскрыл глаза и пошарил биноклем по местности, то обнаружил лишь черные клубы дыма, сосредоточенные в двух местах на небольшом удалении друг от друга – метрах в семидесяти от крайнего дома на северо-западной оконечности села. Спустя сорок секунд свист раздался вновь, и опять рвануло дуэтом в том же месте. Откуда-то из глубины леса заработали минометы – огонь велся точно, можно сказать, филигранно и управлялся, по всей видимости, хорошим корректировщиком. Задача обработки заключалась, скорее всего, в том, чтобы поугубить сельчан – мины ложились с семидесятиметровым недолетом по вымеренной, как по циркулю, окружности. Мгновенно прикинув в уме расположение наших застав, я сделал вывод, что это балуются какие-то «леваки» – наших в той стороне не было и быть не могло.

- Интересное кино, – буркнул я, отвязываясь и кубарем скатываясь на землю. Быстренько собрав в кучу своих пацанов, я поставил им задачи и велел аккуратно рассредоточиться вдоль опушки, чтобы вести наблюдение за подступами к селу.

Между тем в его противоположной стороне возникла хаотичная стрельба и какая-то незапланированная активность. Тихонько вскарабкавшись на небольшой пригорок, я обозрел через бинокль диспозицию и с удивлением обнаружил, что часть отряда самообороны (те, что дежурили на окраине) с кем-то завязала бой. Люди с оружием выбегали из жилищ и, хоронясь за строениями, мчались к окраине, занимая позиции в домах, расположенных по периметру северо-западной оконечности села. С той стороны кто-то неприцельно долбил по крышам длинными пулеметными очередями – я насчитал пять огневых точек.

- Ну, дела! – Я озадаченно почесал череп под косынкой, развернулся вправо, чтобы поделиться своими соображениями с торчавшим неподалеку Парамоном, и замер... неподалеку от моего крайнего правого бойца – буквально в тридцати метрах – из леса вышла группа численностью в шесть человек и торопливо направилась к селу. Сердце мое подпрыгнуло и забилося в боевом режиме. Вот оно!

- «Лицедеи»! – задумчиво всхлипнул Парамон, залегший справа от меня, под пригорком. – Бля буду, «лицедеи»!

- Вижу, не слепой! – так же тихо отпарировал я и, повернув голову влево, приказал: – Разобрали цели по расчету, как идут. – Затем продублировал команду вправо. В принципе можно было этого не делать, пацаны притерлись друг к другу, каждый досконально знает – что и как. Их шестеро, а нас – восемь. Значит, мой правофланговый взял на мушку последнего в их колонне, второй номер – предпоследнего, и так далее, а я и сидящий на левом фланге сержант Леший – на подхвате, на случай, если кто-то вдруг обмишурится. Пока они идут колонной, каждый из моих бойцов внимательно изучает своего подопечного, чтобы хорошенько запомнить по ряду признаков и не спутать, если они сочтут нужным скучиться. Вот так. Теперь мне остается только придумать, что с ними делать. То, что они не наши, – это не ходи к гадалке. Все славяне, но это не оправдание. В новых «комках», в кепчонках, на ногах – берцы.

Наши носят косынки и разномастный потрепанный камуфляж, а на ногах – кроссовки или кеды. Когда ползаешь на брюхе по горам да лесам, форма очень быстро ветшает, кепки нужны при нашей работе, как корове седло, а попробуй посиди в берцах три-четыре дня подряд – ноги моментально сопреют. Далее – они вышли из заминированного леса, в который даже местные жители предпочитают не соваться, – значит, у них есть хороший проводник. Мы, например, полдня перемещались здесь приставными шажками, когда оборудовали лежки, и в процессе этого мероприятия сняли четыре мины «ПОМЗ 2М», три эргэдэшных растяжки и один «сюрприз». Так шустро наши здесь перемещаться не могут. Значит, это оборотни...

Я тяжело вздохнул и наморщил лоб. Чего же с ними делать? Лучше, разумеется, прямо сейчас пристрелить на месте – меньше мороки и надежнее в плане собственной безопасности. Однако задача сформулирована однозначно ясно – притащить живьем хотя бы одного «лицедея». А если, положим, четверых совсем завалить, а двоих только слегка ранить, они все равно успеют покончить с собой, пока к ним подскочат мои пацаны. Поэтому придется тащиться за этими уродами в село и сильно рисковать своей задницей, выжидая момент, пока кто-нибудь из них не подставит свой славянский череп под хорошо рассчитанный удар. И что совсем нехорошо – они, по моему разумению, будут работать довольно спешно и с оглядкой. Прикрытие с той стороны не сможет удерживать отряд самообороны сколь угодно долго. Значит, шансов совсем мало...

Между тем колонна подонков проскочила мимо нас к селу так близко, что я в деталях сумел рассмотреть каждую физиономию и едва сдержался, чтобы не дать своим пацанам команду тотчас же их атаковать. Однако бандиты немного лопухнулись – я бы, к примеру, минимум полчаса обзирал окрестности, прежде чем вывалиться из леса на открытое пространство. Каждый кустик, каждый холмик обследовал бы досконально...

Дождавшись, когда «лицедеи» зарулили за первый дом с краю, я вскочил и во всю прыть ломанулся вперед, от души пожелав, чтобы в высокой траве не оказалось забытых кем-то растяжек.

От опушки до окраины села было что-то около трехсот метров: я успел пробежать почти две трети этого расстояния, прежде чем из-за угла здания показалась башка впереди идущего оборотня.

Ничком рухнув в траву, я отдышался, поднял голову и глянул назад. Порядок! Моя команда бежит не хуже командира и не путается друг у друга в секторах.

«Лицедеи» направлялись к следующей усадьбе – теперь их было четверо. Ну вот, началось. Сделав знак своим пацанам, я некоторое время наблюдал, как они перемещаются по одному с каждого фланга к первой усадьбе, и одновременно следил, как бандиты по очереди заходят в калитку второго двора. Спустя несколько секунд последняя спина в «камыше» захлопнула за собой калитку, и почти одновременно в первом дворе раздался истошный женский визг, сопровождаемый короткой автоматной очередью.

Моментально отмахав оставшуюся сотню метров, я показал своим орлятам позиции и прилип к щели в заборе, огораживающем первую усадьбу.

На ступеньках крыльца лежал скрючившись пацан-чеченец, хватая ртом воздух и исходя кровью. Рядом валялось старое охотничье ружье с длинным стволом. Один «лицедей» таскал за волосы пожилую толстую чеченку, выдирая у нее из ушей серьги. Женщина тихо визжала и вяло сопротивлялась – видимо, обдирала успел ее пару раз крепко пнуть. Второй «лицедей» не просматривался, но из дома доносились глухие удары и ругань.

Кивнув двум находившимся рядом бойцам, я резво вломился в калитку и с ходу пару раз стрельнул из своего ствола в «лицедея», таскавшего бабку: он, скотина, на удивление быстро отреагировал – выпустил бабкины волосы и мгновенно вскинул автомат, направляя ствол в мою сторону.

Пока незадачливый обирала падал на утоптанную землю, оба моих бойца ввалились в дом – один через дверь, аккуратно и тихо, а второй, как полагается, через окно, с шумом и звоном разбитого стекла. В доме четыре раза пальнуло и стихло. Заскочив в дом, я быстро сориентировался – второй «лицедей» валялся в углу с наполовину снесенным черепом, а чуть поодаль на диване сидели двое окровавленных стариков и оторопело таращились на дело рук моих бойцов.

– Все в норме, деды, – сообщил я. – Это ваши балуют, предположительно из отряда Умаева. Сейчас мы пойдем и надерем задницу остальным. – Кивнув своим пацанам, я выскочил на улицу и позвал: – Пуп, ко мне!

В проеме калитки тотчас же показался мой нештатный оператор, спешно выпрастывая из вещмешка упакованную в поролоновый чехол видеокамеру. Я показал ему на крышу дома и кратко пояснил:

– Чердак. Второй двор. Сними сначала расстрелянного пацана и дедов. Действуй.

Пуп кивнул, метнулся по двору, быстро обнаружил где-то лестницу и приставил ее к стене дома. В его обязанности, в частности, входила фиксация событий на видеопленку, своеобразный вещдок. Не дожидаясь завершения съемки во дворе, мы оставили на прикрытие оператора одного бойца и переместились ко второй усадьбе, рассредоточиваясь по ходу движения. Этот дом оказался значительно богаче предыдущего, и здесь имел место каменный забор высотой метра в два. Так что скрытно наблюдать за тем, что творилось во дворе, было весьма проблематично. Там, как положено, раздавались глухие удары, ругань и истошный женский визг. Я осмотрелся. Из близлежащих дворов и окон опасно выглядывали головы обывателей. Кто-то трусцой удалялся по улице к противоположной окраине села, прижимаясь к заборам. Ага, видимо, побежал гонец, хочет доложить бойцам из отряда самообороны, что пока они там развлекаются войнушкой черт знает с кем, здесь какие-то плохие ребята валяют дурака.

Быстренько прикинув, сколько потребуется времени беглецу для того, чтобы добраться до места назначения, я решил, что очень скоро здесь появятся изрядно возбужденные люди с автоматами и, не вдаваясь в подробности, начнут косить всех подряд, кого раньше не видели. Нас они точно не знают, поэтому времени на рекогносцировку остается крайне мало. Сделав своим бойцам пару нужных жестов, я вломился во двор, выбив калитку ударом ноги, и тут же, рухнув пластом на землю, откатился в сторону. Вслед за мной во двор влетели еще трое и попадали кто где. Одновременно с нашим внедрением над забором возникла голова сержанта Лешего и ствол с ПББС. Боец взгромоздился на плечи Медузы, который расположился спиной к забору и пас улицу – на всякий случай.

Во дворе все складывалось крайне удачно. Очевидно, «лицедеи» не совсем объективно рассчитали временной запас, потому что трое из них занимались совсем ненужным делом: двое держали извивавшуюся молодую чеченку в изорванном платье, разместив ее на собачьей будке, а третий, примостившись у чеченки между ног, очень быстро дергал лишенным растительности жирным задом, приподнявшись на носках и натужно кряхтя от возбуждения. Держатели скалились и с интересом наблюдали за процессом. Четвертый «лицедей» методично пинал дряхлую бабку, не подававшую признаков жизни, и спрашивал у нее:

- Где, сука, бабки затарила, а? Где, бля?!

По всей видимости, к нашему появлению на арене «лицедеи» не были готовы – как только мы ввалились во двор, трое изумленно вытаращились и несколько секунд хлопали ресницами, а тот, что резко дергал задницей, не отреагировал вообще – слишком увлекся процессом.

- Ебаря берем! – крикнул я и повел стволом в сторону бандита, избивавшего бабку, – тот первым пришел в себя, навернул бабке носком берца в висок и рванул с плеча автомат. Однако я опередил его, пальнув два раза из своего ствола, – «лицедея» отбросило назад. Верхняя половина его черепа представляла собой жалкое зрелище.

Тем временем мои бойцы продырявили сподручных насильника, и я, увидев это, метнулся к толстозадому, ударяя его в прыжке локтем в затылок и для страховки завершая приземление замком на горле. Все.

Подоспевшие пацаны моментально стащили с разом поскучевшего «лицедея» одежонку, кто-то достал из кармана ложку, и в две секунды был произведен осмотр пасти плененного. Они, гаденыши, бывает, прячут капсулу с ядом во рту, пропиливая для такого случая выемку меж зубами.

Капсула с ядом обнаружилась в плавках – лишив его этого предмета туалета, пацаны быстро спеленали пленного наподобие мумии, а я в это время распорядился, чтобы подоспевший Пуп заснял лежавшую навзничь возле заколотой собаки бабку и сообщил бившейся в истерике молодой чеченке:

- Это ваши, из отряда Умаева. А спас тебя вэвэшный спецназ – так и передай.

Сомневаюсь, однако, что она уловила смысл сказанного – девчонка пребывала в шоковом состоянии. Ну ничего, несколько человек слышали, что «лицедеи» – из отряда Умаева. Даже если это и недоказуемо, пусть разбираются. Можно надеяться, что умаевские «духи» в этом селе долго не получают жратву и всяческую поддержку населения.

Что еще? Да, мы своевременно убрались из этого села – уже с опушки я мог наблюдать, как к усадьбам, подвергшимся разбою, ломятся толпой вооруженные члены отряда самообороны.

«Лицедея» мы доставили по назначению и получили за это скупую командирскую похвалу и замечание:

- А почему двоих не взяли? – Кстати, как потом мне между делом сообщил наш особист, этого насильника в тот же вечер кто-то зарезал прямо в подвале «фильтра». Однако это уже нюансы...

Впервые за трое суток дороги мы с Тэдом по-людски отдохали. Оказалось, что чеченцы, если они не состоят с тобой в состоянии газавата, – очень гостеприимные люди. Впервые на этой земле я выступал в ипостаси мирного человека, и это было страшно непривычно, дико как-то. Мы миновали 17 блокпостов и застав, и везде нас беспощадно шмонали, невзирая на универсальный пропуск и предписание, подписанное каким-то большим чином из МО, в котором, в частности, строго предписывалось всем подряд: «...оказывать содействие в решении вопросов организационного характера...» Грязные, оборванные пацаны на постах клали прибор на наши бумаги и тщательно досматривали каждую пядь «ленда» – даже заглядывали под днище, вызывая у меня состояние легкой настороженности. Ствол нигде не обнаружили – значит, я рассчитал все верно.

Тэда такое отношение здорово раздражало, и он всегда ругался, подвергаясь очередному обыску. А я каждый раз вздрагивал, когда замечал казавшуюся знакомой физиономию, и напрягался, ожидая, что она расползется в улыбке и заорет:

- Сыч! А ты какого хрена с этим вахлаком тут делаешь?

Нас несколько раз проверяли чеченские менты, а однажды мы напоролись на «духовский» разъезд – при пересечении территории, контролируемой боевиками.

Когда мы добрались до этого села, я до того наловчился коверкать русский на англоязычный манер, переводя Тэду обращения проверяющих и наоборот, что отвык нормально говорить. А еще я перестал вздрагивать и напрягаться перед угрозой разоблачения: допер наконец, что здесь меня вряд ли кто узнает. Ведь раньше я гулял тут в потрепанном «комке» и косынке, с трехдневной щетиной и запыленной физиономией – один из безликой камуфляжной массы озлобленных парней, держащих палец на спусковом крючке и подозрительно озирающихся по сторонам.

А сейчас я был одет в хороший дорожный костюм иностранного пошива, регулярно брился, и за неделю моя стрижка стала более-менее похожа на нормальную короткую прическу, меня вполне можно было принять за коллегу иностранного корреспондента.

Когда мы въехали в село и сообщили на КПП отряда самообороны, что желали бы остановиться у них на некоторое время, нас отвели к старейшинам, собравшимся в кучу ради такого случая, и они долго и обстоятельно толковали с Тэдом – естественно, посредством моего перевода.

Когда старейшины узнали, что англичанин приехал собирать материал для книги о справедливой войне чеченского народа с российскими оккупантами, они резко обрадовались и заметно оживились. И тут же наговорили кучу всяких гадостей про Россию. Судя по их изречениям, весь чеченский народ состоит в газавате с Вооруженными силами России и с официальной Россией вообще. Потому что почти все чеченцы – кровники. У каждого свой тейп и в этом тейпе обязательно кого-то убили неверные российские оккупанты. В общем – круговой газават. Я все это переводил, Тэд старательно делал пометки в блокноте и удовлетворенно кивал, непрерывно повторяя свое «о-е!». А ведь это мирное село, здесь никого не обижали, они федералов хлебом-солью встречали! Что же будет далее, когда мы попадем на подконтрольную «духам» территорию? Да уж...

Помурыжив нас некоторое время, старейшины скопом проводили дорогих гостей в один из добротных домов, где спустя час мы имели возможность помыться в полноценной бане, даже пар присутствовал. Затем последовало обильное застолье с большим количеством тостов и многочисленными любопытствующими, которых старики за стол не пустили, но разрешили стоять рядом и слушать беседу с заморскими гостями.

Содержание беседы было преимущественно таково: великий чеченский народ всю жизнь воюет с Россией за свою независимость. Так что, как ни крути, ни черта у России из этой оккупации не выйдет – война до последнего чеченца. Свобода или смерть! Аллах акбар!

Я между делом хватил три фужера хорошего домашнего вина и перевел все это Тэду, по ходу дела комментируя на свой лад, а британец нетвердой рукой записывал, периодически откладывая ручку, чтобы ухватить со стола кусок или стакан – пить он, как оказалось, мастер. В комментариях, в частности, я указал, что плохой дядя Сталин выслал чеченцев вовсе не потому, что резко невзлюбил их как нацию, а из-за того, что многие из них всячески поддерживали фашистский оккупационный режим. Тэд пьяно удивлялся и хмыкал, однако не

спорил и продолжал письменно фиксировать ход беседы. Еще я высказал соображение, что если Чечне дать полную свободу и полноценно перекрыть границы, то через пару недель «духи» прибегут сами, сложат оружие и попросят обратно в Федерацию, потому что они привыкли паразитировать и грабить, а с харчами у них большие проблемы – вон, нормальные сельчане давным-давно впроголодь живут.

- Так чего же вы их не отпустите? – поинтересовался Тэд.

- Да так, старина, – отвечал я, – еще недостаточно много денег отмыли. Вот как отмоем, сколько надо, – сразу и отпустим.

- Но ведь здесь гибнут люди! – возмутился Тэд. – Это бессмысленная бойня!

- Для правителей люди – быдло, – отвечал я. – Страна большая. Те, кто здесь бабки отмывает, – они же не гибнут. А остальные – серая статистическая масса. Нарожаем еще – нам не впервой...

И вот гости разошлись, пьяного англичанина уложили почивать, а я сидел во дворе и боролся со сном, дожидаясь темноты. Вдруг начну во сне бредить по-русски, да без акцента – хозяева, чего доброго, заподозрят еще... Нет уж, пусть все улягутся, так спокойнее.

Дом, в котором нас расположили, находился на бугре, в центре села – через промежутки в штакетнике хорошо просматривались отдельные фрагменты юго-восточной окраины.

Я подошел к забору и долго смотрел на две знакомые усадьбы, в которых менее года назад хозяйничали «лицедеи». Вспомнилась чеченская девчонка, которую насильовал толстозадый, нашедший справедливую смерть в занюханном подвале «фильтра». Интересно, помнит она меня или нет? Хм... Наверняка не помнит – она была тогда в шоковом состоянии. И потом, мы все для них на одно лицо. Однообразная враждебная сущность в разномастных «комках», со злыми глазами, колюче щурящимися из-под косынок.

Вот ведь как получается – я спас ее от насильника славянского обличья, а мою жену, может быть, сейчас терзает какой-нибудь ее соплеменник, возможно, даже родственник. Слезы навернулись на глаза... Стоп. Назад, Сыч, назад! Сантименты нам сейчас ни к чему, даже на пьяную голову. Эмоции – это потом, после завершения дела. Они губят рациональное мышление: есть цель, нужно работать, все остальное – не важно. А потому, тихо-тихо, не запинаясь, – на боковую. Спать...

Глава 5

...Оказывается, я – плохой агитатор. Мне просто необходимо было переломить настрой Тэда, его восприятие того, что здесь творится. Ведь он приехал сюда собирать материал для книги о справедливой войне чеченского народа против поработителей! То есть при всей нейтральности его позиции стороннего наблюдателя, беспристрастно фиксирующего фрагменты чеченской войны, Тэд был крайне предвзято настроен: чеченцы, свободолюбивые и гордые, борются за свою независимость – они, естественно, душки и славные парни, а российские оккупанты, вторгшиеся с огнем и мечом на ичкерийскую землю, – ясное дело, убийцы, насильники и вообще законченные сволочи.

В процессе общения я пытался, между делом, доказать своему патрону, что он изрядно загружен односторонней информацией крайне негативного характера, – упрямый писака только посмеивался и качал головой, изредка бросая мне обвинения в попытках обработать его идеологически в пользу правительства России.

В таком состоянии он для моего дела был не просто бесполезен, а даже в некотором роде опасен: если все пойдет по задуманному сценарию, мне придется по ходу действия заниматься диверсионной работой разного пошиба, которая без посвящения Тэда в некоторые детали будет просто невозможна. А для того, чтобы посвятить его в мои планы без риска, со стороны англичанина необходимо минимум сочувствие, а его-то и не было. Тэд придерживался своей точки зрения и за все время ни разу не вспомнил о цели моего путешествия и своем обещании помочь. В ходе перемещения по чеченской земле он нащелкал своей «Коникой» множество фотографий разрушенных в результате бомбежки чеченских домов, женщин со скорбными лицами, одетых в черное, и диких пацанов, которые показывали нам поднятый вверх средний палец. Эти фотографии он снабжал письменными комментариями, суть которых сводилась к одному: это сделали российские оккупанты.

Да, я оказался паршивым агитатором и идеологом – мне так и не удалось переубедить Тэда или хотя бы посеять сомнения в его твердом мировоззренческом убеждении относительно чеченской войны.

Это сделали сами «чехи». Причем – на удивление быстро и без каких-либо потуг – как бы самопроизвольно.

Два дня мы общались с различными представителями чеченского народа из близлежащих сел и до боли в глазах любовались представленными нам довольно однообразными видеофильмами, показ которых сопровождался проникновенными комментариями очевидцев и слушачей – тех, кто снимал и что-то слышал по этому поводу. В основном рассказывали о страшных бомбежках и ракетных ударах федералов, под которыми гибли мирные жители, и лихих операциях чеченских отрядов, сражающихся против оккупантов. Насчет удачных вылазок я переводил почти дословно, что есть, то есть – «духи» воюют неслабо. А по поводу гибели мирных жителей я пояснял Тэду в таком контексте: если у убитого «духа» потихоньку забрать оружие и снять разгрузку, он запросто сойдет за мирного жителя. Даже если погибший окажется юношей лет шестнадцати, это ничего не меняет – в отрядах немало подростков и молодых людей, не достигших 20 лет. Юный возраст не мешает им ставить мины и стрелять из гранатометов – для этого аттестат не требуется.

Показывали примерно то же, о чем рассказывали словоохотливые гости: чеченские операторы профессионально снимали ракетные удары и авианалеты федералов, штурмы различных населенных пунктов и разнообразные операции «духов». Я высказал предположение, что видеозапись предварительно подвергалась коррекции, прежде чем стать достоянием широких масс. Но это и не потребовалось – Тэд сам сделал соответствующие выводы. За два дня он надиктовал на диктофон семь кассет, исписал три блокнота и одну тетрадь.

– Ты полегче, шеф, – предупредил его я. – Это ведь только начало – смотри, не хватит бумаги и пленки!

Журналист не реагировал на предупреждения. Он слегка осунулся, помрачнел и стал отчего-то сильно раздражительным. Я с глубоким удовлетворением отметил, что процесс пошел – «чехи», сами того не ведая, обрабатывали англичанина в мою пользу.

Конечно, с их точки зрения все было правильно – старейшины и уважаемые очевидцы повествовали приехавшему зарубежному журналисту о том, как круто воюют их молодцы, как единоклубен чеченский народ в своем справедливом гневе и фанатичной устремленности к победе... В немалой степени здесь сыграла свою роль предрасположенность горцев к бахвальству и преувеличению своих заслуг – извечная болезнь, присущая всем малым народам, претендующим на статус больших...

Вот ловкие боевики подкрадываются и расстреливают блокпост федералов. Тактически безупречная и грамотная операция. Вот они – в хороших «комках», бородатые и гордые, носками ботинок поворачивают к объективу головы расстрелянных солдат – это собаки, они пришли на нашу землю, и так будет с каждым, кто посягнет на нашу независимость. Ах да – эти псы лупили из гаубиц и БМП по мирному населенному пункту – вот они, на заднем плане. Так-так... Где заснятый ролик об обстреле мирного населенного пункта? Какой такой ролик? Зачем? Вот же – пушки и БМП, из них стреляли! Люди видели – этого достаточно. Ясно, ясно... А вот – расстрел какой-то колонны с продовольствием. Небольшое ущелье, залп из гранатометов по головному и замыкающему БТР, кинжальные очереди в упор... Опять – трупы наших солдат, почему-то всегда с задранными на голову бушлатами – и гордые бородатые «духи»: так будет с каждым! А почему бушлаты задраны на голову? И еще – это, случаем, не колонна Красного Креста с гуманитарной помощью? Ну что ты! Какая там, в задницу, гуманитарная помощь?! Это жратву везли тем собакам, что наш народ уничтожают! А насчет бушлатов – кто его знает... Ясно, ясно... Этих «псов» совсем недавно Тэд имел счастье лицезреть на многочисленных КПП и блокпостах, когда мы ехали сюда. Тогда он удивлялся: отчего это наши солдаты такие худые и оборванные? А еще журналист возмущался: зачем мы посылаем воевать совсем еще пацанов, когда в столице у нас ходят толпы упитанных и зрелых молодых людей, вполне пригодных для такого лихого дела? «Эти ребята – наша армия, – так я тогда ему пояснял. – Другой у нас нет». Только эти пацаны да офицеры чуть постарше, которые ими командуют. Худые и оборванные они потому, что генералы за казенные деньги себе коттеджи в Подмосковье строят. А тех, что ты видел с упитанными репами, – попробуй загни их служить: они более важными делами заняты, им армия противопоказана... А бушлаты у солдат задраны потому, что «духи» их за ноги волоком таскают, как падаль, чтобы ненароком не запачкаться в крови неверных...

За два дня Тэд вволю насмотрелся на трупы наших солдат, запечатленные на качественную видеопленку. Для горца это норма – вид поверженного врага поднимает боевой дух воина, делает его несокрушимым и бесстрашным, уверенным в своей правоте. Никто из присутствующих при демонстрации фильмов не задумался над тем фактом, что английский журналист – дитя цивилизованного народа, законопослушный до мозга костей гражданин Британии, с детства запуганный своим правительством периодически выплескивающимися наружу выкрутасами ИРА, которой до чеченцев, как до Китая – пешком.

А как там насчет зверств оккупантов? О-о-о! Есть, есть зверства – сколько хочешь! Однажды ехал Ваха из соседнего села куда-то с женой и братом. На одном блокпосту ему машину остановили, заставили отъехать в сторону и прямо на глазах чеченца во всех позах изнасиловали жену. Вахе с братом набили рожи, отобрали деньги и отпустили, пригрозив, что если кому расскажут – хана. И таких примеров – тьма! Стоп, стоп – этот факт подтвержден? В органы заявляли? Экспертизу делали? Ну, ты даешь, журналист! Да какой же уважающий себя горец повезет свою женщину на экспертизу?! Ха! Естественно, никто никуда не заявлял! У нас в таких случаях разговор короткий – кликнул родичей, автоматы в зубы – и вперед! Но ведь факт не подтвержден? Ну и что? Люди врать не будут! Ясно, ясно...

Особенно впечатлили Тэда съемки новогоднего штурма Грозного и боевых действий первой декады января 1995 года. В частности, расстрел колонны Майкопской бригады. Какой-то умелец методично снимал в течение получаса основные моменты этой трагедии и комментировал на чеченском. Цветная пленка запечатлела картину ада, сошедшего на землю. Взрывались боевые машины, летели куски расплавленного металла. Горящие солдаты, обезумевшие от боли и ужаса, метались взад-вперед и падали под кинжальным огнем в упор. Потом к ним подбегали «духи» и умело добивали контрольным выстрелом в голову... «Это потому, что русские солдаты – жуткие звери, – так поясняли старейшины. – Где-то на

подступах к Грозному они заехали в какой-то совхоз и целые сутки напролет насиловали чеченских девчонок-малолеток, методично и целенаправленно, во всех ракурсах. Вот и ответили за злодеяние – душа у горцев не камень...» – «А что это за совхоз такой? – поинтересовался у меня Тэд. – И, может, действительно насиловали?» – «Обязательно, – отвечал я. – Ты лучше спроси, когда у них перестал существовать последний совхоз и, коль скоро-таки существовал онный, откуда там взялись чеченки-малолетки для целой бригады?» Ясно, ясно... А вот интересные кадры – скачет видеокамера по какой-то пещере, хохот многоголосый, двое наших солдат с разбитыми лицами стоят на карачках, а их пользуют в задницу здоровенные чеченские мужики. Выкрики из серии: «Вот так мы всю Россию...» «Стоп, пардон, – засмутились старейшины. – Промотаем чуток – это нравы и обычаи советских зон – так, старая запись...» – «Что за нравы?» – недоуменно поинтересовался Тэд. «Да так – не стоит заострять внимания, – посоветовал я. – Это „духи“ петрушат наших пленных, развлекаются. У некоторых видов обезьян есть такое – чтобы самоутвердиться и показать свою силу, они трахают в задницу однополых субъектов своего вида». Старейшины понимают, что это мерзко, потому не стоит акцентировать внимание – могут осерчать. О-е! И так далее...

В таком духе просвещали Тэда наши гостеприимные хозяева в течение двух дней. Показать хоть одну операцию федералов по ликвидации какого-нибудь бандформирования они, естественно, не удосужились – такие вещи чеченцы не снимают, ни к чему им это. Я внимательно наблюдал за изменением настроения шефа и к концу второго дня нашего пребывания в селе, когда многочисленные посетители оставили наконец нас в покое, рассказал ему о прошлогодней истории с «лицедеями», которых мы прищучили в этом селе. А потом, после некоторых размышлений, пояснил, как «духи» используют наших пленных в качестве живого щита.

– А что – есть доказательства? Факты? – как всегда поинтересовался дотошный британец.

– Сейчас у меня ничего нет, – сообщил я. – Но если мы с тобой попадем в какой-нибудь отряд и его начнут слегка уничтожать, сам все и увидишь, – пообещал я Тэду.

Целый вечер англичанин пребывал в мрачных размышлениях и совсем не разговаривал со мной. Я далек от мысли, что он радикально переменял свою мировоззренческую позицию относительно чеченской войны, но то, что сомнения заползли в британскую душу, – это факт.

После ужина я с полчаса проторчал на природе, любясь красками догорающего заката и изучая особенности расположения дворов в юго-восточном секторе села. Сильно облегчал наблюдение тот факт, что хозяева проживали во второй половине дома и на эту сторону двора не навывались. Ранее тут обитал их сын с семьей, но в самом начале войны он куда-то исчез вместе с женой и двумя детьми – такие вещи здесь случаются.

Когда совсем стемнело, я вернулся в дом, переоделся в черный тренировочный костюм, нацепил поясную сумку, в которую упаковал необходимую экипировку, и сообщил Тэду:

– Мне надо отлучиться. Если что – ты спал и ничего не знаешь. Хорошо?

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался Тэд. – Ты будешь кого-то убивать?

– Я хочу встретиться с одним человеком, – пояснил я. – Возможно, его тут нет. Тогда я вернусь очень скоро, и нам здесь более делать нечего. А если есть, тогда посмотрим.

– Хорошо, – сказал Тэд. – Ты постарайся без трупов, ладно?

– Я, конечно, постараюсь, – пообещал я. – А там – как получится...

Спустя пятнадцать минут я благополучно миновал нужный мне двор и, крадучись, добрался до окраины села. Кое-где во дворах лениво залаяли были собаки, но быстро утихомирились – я жил здесь двое суток, успел пропитаться местным запахом и не являл собой агрессии, ощущаемой на таком удалении.

Забравшись в придорожную канаву на окраине села, я некоторое время размышлял и прислушивался. Судя по рассказам сельчан и прошлогодним оперативным данным, на ночь по периметру села выставляются парные посты для охраны от внезапного вторжения. Село достаточно большое – чтобы надежно перекрыть все пути вероятного подхода непредвиденного противника. Значит, эти посты сидят на достаточном удалении друг от друга и бдят посредством прослушивания – потому что сейчас непролазная темень, а ночных приборов, насколько я знаю, у них нет.

Посидев чуток, я уловил доносящийся слева с расстояния примерно 150 метров приглушенный говор, а несколько позже увидел мерцание двух сигаретных огоньков. Ну вот, курят часовые и болтают – совсем не бдят. Немного погодя справа метрах в пятидесяти я услышал какую-то возню и невнятную ругань. Мужской голос с левого поста спросил по-чеченски:

- Вы че там, долбитесь, что ли?

На что справа посоветовали вопрошавшему убираться в задницу, после чего на левом посту сильно развеселились. Ну вот и еще штришок. Значит, парни слева дернули травки – необкуренные так долго не смеются. Нормально! В двухсотметровом промежутке между постами в темной ночи может проползти целая рота, при условии, что бойцы не будут матюкаться и бряцать оружием.

Немного посидев в канаве, я аккуратно подобрался к забору усадьбы и затаился возле калитки. В прошлом году «лицедеи» ликвидировали здоровенную псину, охранявшую этот двор, а на ее будке насильовали молодую чеченку. Однако это ничего не значит – наверняка хозяева завели другую собаку. В чеченских селах в каждом дворе есть четвероногий сторож. Как говорил наш известный юморист, что ни домовладелец, то собака, а то и две.

Я слегка поскреб ногтями по доскам калитки и прислушался: спустя несколько секунд из глубины двора послышалось глухое басовитое рычание и лязг цепи. Судя по звукам, здоровенный кавказец, ленивый и добрый.

- Иди сюда, мой красавец, – тихо прошептал я и просунул под дверь небольшой кусок свежего мяса, украденный накануне с хозяйской кухни и посыпанный хитрым порошком без цвета и запаха, который имелся в «аптечке», прозорливо подаренной Шведовым.

На всякий случай удалившись от калитки, я некоторое время прислушивался: псина пару раз звякнула цепью и причмокнула – видимо, мясо ей пришлось по вкусу.

Спустя минуту во дворе стало тихо. Приблизившись к калитке, я слегка постучал по доскам – реакции не последовало. Отлично. В два движения преодолев забор, я спрыгнул во двор и присел, наострив уши. Тишина. Неподалеку белым пятном выделялось неподвижное тело собаки. Ощупав ее, я убедился, что псина крепко спит. Здоровенная псина! Хорошо, что ты такая ленивая и неразборчивая. При активных действиях и отказе от мяса мне пришлось бы плюнуть в тебя стрелкой из трубочки, вымоченной в быстродействующем яде. Через десять секунд ты бы отдала концы.

- В общем, повезло тебе, псина, – прошептал я, всматриваясь в силуэт дома. – Я иду к твоей хозяйке, и потому убивать тебя нельзя – наверняка она тебя любит. И сильно обидится, если я

тебя ликвидирую. Хотя при определенных условиях это особой роли не играет...

Подкравшись к дому, я подушечками пальцев исследовал первое попавшееся окно и двинулся дальше – тут не было форточки. Попеняв на себя, что в прошлом году не удосужился хоть на секунду заскочить в дом и изучить расположение комнат, я оставил в покое и второе окно – форточка здесь также отсутствовала. В третьем она имелась и, к моему большому удовлетворению, была распахнута настежь. Вытащив из поясной сумки трубчатый резиновый жгут, я аккуратно просунул один его конец в форточку, а второй вставил в слуховое отверстие. Зажав другое ухо ладонью, я расслабился, сделал несколько глубоких вдохов и перестал дышать. Спустя тридцать секунд я извлек жгут из форточки, возобновил дыхание и сделал вывод: в комнате спят двое пожилых людей – мужчина и женщина, причем у мужчины то ли искривлена носовая перегородка, то ли полипы. Впрочем, это меня в данный момент не интересовало, и я двинулся к следующему окну. Нет, мне до экстрасенса или ясновидящего далеко. Просто при достаточных навыках сугубо специфической направленности по дыханию людей легко можно определить их количество, пол, возраст и так далее – совсем необязательно для этого их видеть.

В следующем окне также имелась форточка, только она оказалась закрытой. Немного повозившись, я раскрыл внутреннюю задвижку ножом и, использовав трубку, как и в первом случае, определил, что в комнате спят молодая женщина и ребенок лет трех-четырех.

Убрав жгут в сумку, я облегченно вздохнул и поздравил себя с благополучным почином. Вполне могло случиться так, что женщина не оказалась бы на месте. Мало ли что – она могла куда-то уехать, заболеть, умереть. А если бы кто-нибудь узнал об изнасиловании, ее запросто могли забить камнями. Такие вещи тут бывают...

Женщина была на месте и, судя по ровному дыханию, в данный момент проблем в психофизиологическом плане у нее не было. Очень хорошо. Теперь мне оставалось лишь забраться в комнату, разбудить эту чеченку и поболтать с ней. Всего-то делов.

Я тяжело вздохнул и криво ухмыльнулся: надежды на то, что молодая женщина знает кого-либо из запечатленных на моей фотографии, почти не было. Хотя Чечня и большая деревня, это вовсе не значит, что в каждом селе любого «духа» все знают в лицо. Еще слабее надежда на то, что чеченка согласится мне помочь. Она вообще может получить разрыв сердца от страха или наделать много шума. Я опять вздохнул и потер вспотевшие ладони. Конечно, это крайне идиотская затея – ломиться среди ночи в окно к женщине, воспитанной на горских обычаях, и пытаться что-то от нее добиться. Однако я не мог ходить и спрашивать вкрадчивым голосом всех подряд: а не знаете ли вы кого из тех, что у меня на снимке? Семафорная почта в горах работает как часы – уже на следующий день, ближе к вечеру, приперлись бы бородатые ребята в красивых зеленых беретах и начали бы тыкать меня раскаленными шампурами, ненавязчиво спрашивая: «А с какой целью интересуешься, хороший ты наш?» Я предполагаю, что процедура сия отнюдь не безболезненна, и потому не стану размахивать фотографией перед всеми подряд. Эта женщина – мой единственный шанс. Если я не ошибаюсь, никто из соплеменников не знает, что ее изнасиловал «лицедей», а сама она об этом вряд ли кому скажет. Да, это шантаж. Это подло и низко, но я вынужден этим воспользоваться. Если же я ошибаюсь, мне придется ее убить...

В форточку я забирался минут пять, по сантиметру продвигая тело вперед и настороженно прислушиваясь к ровному дыханию спящей женщины. Очень хорошо, что в селе все ложатся спать на закате: дизели есть лишь у избранных, а даже если и имеются, люди предпочитают засыпать пораньше и вставать чуть свет – таков уклад. Спи, моя радость, спи – я сам тебя разбужу.

Благополучно спустившись на пол, я на ощупь исследовал интерьер и такового не обнаружил – в комнате имелся лишь широченный матрац, на котором лежала чеченка, прижав к себе безмятежно посапывающего ребенка. Еще я обнаружил, что дверь в комнату плотно закрыта, и слегка порадовался этому обстоятельству.

Очень медленно разогнув руку женщины, я аккуратно отодвинул ребенка в сторону и тихонько положил свою ладонь на лицо чеченки, прикрыв ей рот. Женщина начала сонно шевелиться и что-то замычала – я прошептал ей на ухо по-чеченски:

- Проснись! Проснись! Тихо, если ты закричишь, я убью твоего ребенка! – И приготовился навалиться на нее, чтобы лишить возможности активно двигаться. Реакция могла быть самая непредсказуемая. Горские женщины делятся на две категории: одни – тупые и необузданные, они могут по любому поводу удариться в истерику с дикими криками и рваньем волос из разных мест, а другие – забитые и покорные, безропотно сносящие любые удары судьбы. Вздвигнув всем телом, женщина попыталась приподняться и замерла, ощутив на своем лице тяжесть моей руки. Уфффф! Я облегченно вздохнул и некоторое время тихо шептал слова успокоения – те, что знал на чеченском.

Спустя полминуты я решил, что женщина окончательно проснулась, и сообщил ей:

- Я тебя пальцем не трону. Мне нужно лишь кое о чем спросить тебя. Потом я уйду тихо-тихо, и никто об этом не узнает. Очень прошу: веди себя прилично. В противном случае мне придется тебя убить, хотя я очень не хотел бы этого делать...

Осторожно ощупав мое лицо пальцами, чеченка слегка ударила по руке, закрывающей ей рот. Я убрал руку, и она шепотом спросила:

- Ты русский разведчик, да?

В голосе ее, как ни странно, я уловил скорее любопытство, нежели страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)